

Я.Б. Шумяцкий. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРОВИНЦИЯ. (ЗАПИСКИ ПРОЛЕТАРИЯ)

Публикация подготовлена:

Гнётова Людмила Александровна, Самарская областная универсальная научная библиотека

Яков Борисович Шумяцкий (1887–1962) – российский государственный и партийный деятель. Старший сын отца-портного. По сложившейся семейной традиции должен был продолжить дело отца и в 13 лет поступил в ремесленную портновскую мастерскую подмастерьем. Тяжелая доля подмастерья подтолкнула его к борьбе за справедливость, что и привело его к революционной деятельности. Был активным участником Революции 1905 года, членом Бунда (еврейской социалистической партии, действовавшей в Восточной Европе с 90-х годов XIX в. – до 40-х годов XX в.). Через несколько лет (в 1908 г.) стал членом партии большевиков. После Октябрьской революции был председателем Исполнительного комитета Иркутского городского Совета рабочих и красноармейских депутатов, редактором газеты «Власть труда», делегатом X и XI съездов РКП(б). Несмотря на свое революционное прошлое, в 1938 г. был репрессирован и сослан в село Мотыгино Мотыгинского района Красноярского края. После ссылки вернулся в Москву. Реабилитирован в 1954 г. и восстановлен в партии. Автор ряда историко-мемуарных работ.

Мы публикуем книгу Я.Б. Шумяцкого «Революционная провинция. (Записки пролетария)» вышедшую в серии «Воспоминания старого большевика»¹.

Это книга о становлении революционного движения в провинции. В ней поднимаются животрепещущие вопросы того времени: экономические и политические, национальный еврейский вопрос.

Подробно описываются три крупных еврейских погрома, пережитых автором, создание рабочих организаций, борьба по вопросам охраны труда...

Став членом Гомельской организации Бунда, Шумяцкий активно участвует в Одесской забастовке портных, ведет агитационно-пропагандистскую работу среди еврейских рабочих, занимается организацией революционных ячеек в деревне...

Воспоминания Шумяцкого публикуются с сохранением стилистических особенностей.

¹ Шумяцкий Я.Б. Революционная провинция. (Записки пролетария). [М.]: Новая Москва, 1926. 84 с. (Отдел книгохранения ГБУК «СОУНБ». Инвентарный номер: 54416).

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРОВИНЦИЯ. (Записки пролетария)

1. Погром и пробуждение детского сознания

Мои первые детские впечатления связаны с катастрофой, разразившейся в нашем захолустном городе² в 1892 г.

Это был канун Судного Дня (Ем Кипур).

Шестилетним мальчиком я отправился с отцом в баню.

По традиции, установленной в «черте оседлости»³, евреи в этот день считали своим долгом совершить «омовение» от грехов, накопившихся в течение года, чтобы чистыми предстать перед своим повелителем, возвести свои «очи горе» в торжественной обстановке синагоги.

Хотя мое греховное бремя было уж не столь велико, но, тем не менее, перспектива плескания в бассейне, наполненном водой, помутневшей от множества грешных тел, мне чрезвычайно улыбалась, и я, что называется, вперед батьки полез в пекло.

Не успел я, однако, толком побарахтаться в замечательной «микве»⁴, как по ступенькам лестницы спустился отец и, схватив меня на руки, мигом вылетел из бассейнового помещения.

Одновременно в предбаннике началась невероятная давка и толкотня. Люди хватали чужую одежду и наскоро одевались.

Треск оконных стекол заглушал крики и стоны людей, охваченных смертельным ужасом.

Страшное, но непонятное для меня слово «погром», звучавшее одинаково на обоих языках, исказило лица обезумевших людей. Я не узнал своего собственного отца, трясущегося как в лихорадке.

Инстинктивно прижавшись к нему, я не смел даже громко заплакать.

Выбравшись из бани гуськом, люди боялись выходить со двора. Перебирались через заборы, перескакивали через крыши, прятались на несколько минут во рвах и чутко прислушивались к бушеванию оголтелой пьяной толпы.

Разбивались лавки, ларьки, трескали окна, где-то слышались придушенные крики и лихой свист. В душу на всю жизнь врезывается фраза, лишенная для меня тогда всякого

² Речь идет о г. Стародубе Черниговской губернии (ныне – территория Украины).

³ «Чертой оседлости» при царском строе назывались места, где евреям разрешалось жить. По преимуществу это были северо-западные губернии (нынешняя Белоруссия), часть Украины и Польши. Что касается центральных губерний, а также Урала, Сибири и промышленного Юга, Кубани и Кавказа, то в этих областях евреи могли жить только с особого разрешения правительства. Правожительство выдавалось только купцам 1-й гильдии, либо цеховым мастерам и лицам с высшим образованием. (Примеч. авт.).

⁴ В еврейских банях – бассейн, наполненный водой. (Примеч. авт.).

смысла: «Одну субботу дал вам Моисей, другую даст вам Тимофей». «Бей жидов. Они Христа распяли».

Пробегая мимо винного подвала, я видел, как люди в опорках отбивают о стены домов горлышки бутылок с вином и горланят: «За здоровье батьки Тимофея».

Не помню, какими путями, но отец дотащил меня домой.

Мы жили на Базарной площади. Толпа под предводительством известного босяка Николая Шаройки еще сюда не добралась, она громит пока боковые улицы и так называемый ранний базар.

Но велик ли город Стародуб? Толпа скоро подберется и сюда. Вот она уже хозяйничает в соседнем дворе еврея Голубовского и Либермана.

Высовывая голову в окно, я вижу как бы снег, падающий откуда-то сверху.

– Что это? – спрашиваю я подмастерья, работавшего вместе с отцом в портновской мастерской дедушки.

– Это, Яшенька, пух и перья из подушек, – отвечает Залман.

Гаснут свечи, зажженные мамой по случаю торжества. Мать плачет.

В темноте мне чудится, что страшный Израильский бог карает камнями и снегом в летний день.

Крепкий дядя этот Залман. Он тут же меня поднимает в охапку и куда-то бежит.

Вижу, – мать и дедушка перебираются через забор, за ними отец с маленькой сестренкой на руках.

А Залман, взобравшись наверх за отцом, ничтоже сумняшеся, бросает меня через забор, и я падаю в руки отца.

Ночь... Зарево пожара охватывает полгорода. Гиканье толпы, шум и свист, топот несущихся коней... Опять придавленные крики...

Так началась моя жизнь – жизнь пролетария «черты оседлости».

Картина погрома оставила в моей детской душе неизгладимое впечатление. Он казался мне каким-то таинственным сфинксом, требующим разгадки.

Однако, уже спустя 2–3 года, приблизительно в 1895–1896 гг., я начал понимать, в чем тут дело.

Первый, кто объяснил мне всю эту историю, отчасти успокоив мою бредовую детскую мысль, был мой старший товарищ однокашник Алтер Беленький «Кенич»⁵, как мы его называли.

В чем же был смысл этого погрома?

⁵ «Кенич» – Беленький, окончив школу и побывав в Одессе, приехал к нам наборщиком в Стародуб. От него не один стародубчанин научился уму-разуму. Беленький затем уехал в Петербург и здесь, участвуя в революционном движении, погиб 9 января 1905 года. (Примеч. авт.).

Ларчик этого погрома столь же просто открывался, как и пружина всей последующей погромной политики по отношению не к одним только евреям, но и к армянам, полякам и т. д.

В погроме 1892 г. основой была экономика, мать всякой «политики». Все дело в том, что стародубские купцы, возглавляемые Тимофеем Гладковым и Тепляковым, неоднократно предлагали еврейским лавочникам (своим конкурентам) Либерману, Якобсону и другим не торговать в воскресенье, когда русские лавки закрыты. Не менее Гладкова жадные еврейские купцы этому подчиняться не хотели, тем более что в воскресенье собирались крестьяне окрестных деревень, и евреи торговали неплохо. Они предпочитали закрывать свои лавки в субботу.

Гладков пригрозил погромом. Для этой цели он перепоил всех золотородцев во главе с Николаем Шаройко, обещал им богатый куш и при благосклонном нейтралитете полиции «задал пир на весь мир».

Из 60 окрестных деревень приехали громилы-кулаки на фургонах и 1½ дня хозяйничали: жгли, убивали и грабили.

Черниговский губернатор Анастасьев пробовал затем устроить комедию суда над «нарушителями порядка». Для виду были засажены в тюрьму Гладковы и Тепляковы, но в действительности оказалось, что к «субботе Моисея» в Стародубе прибавилась «суббота Тимофея»: по воскресеньям торговать перестали.

Киевская Судебная палата, разбиравшая дело Стародубского погрома, ограничилась тем, что оштрафовала босняка Н. Шаройку на 30 000 руб. и потребовала от него уплаты этих денег потерпевшим от погрома.

Шаройко после этой комедии поднялся и спросил у гражданских истцов: «А может, жида что-нибудь уступят?»

На другой день он уже был в харчевке «Кувалда» и «стрелял» на табак и водку.

Город сильнее начал нищенствовать, несмотря на благотворительство богатых американских и других евреев.

Буржуазные сионисты не так понимали причины погрома. Помню, в нашем городе они доказывали, что неевреи «гои» – врожденные антисемиты. Никогда, говорили сионистские проповедники, русские не смогут ужиться вместе с евреями, каков бы ни был политический порядок в России и ее социальный уклад. В доказательство они приводили именно погром в Стародубе, якобы порожденный не правительством и не буржуазией, а ненавистью русского народа к евреям, ненавистью, будто бы вскормленной, которой суждено жить во веки веков.

Из этого сионисты делали тот вывод, что нужно евреям убраться в Палестину: рабочему ли, буржую ли, все равно, нужно убраться в «страну отцов», ибо во веки веков, доколе будет жива еврейская нация, род человеческий ее будет ненавидеть...

«Вот, смотрите, – говорили они, – в Стародубе погром 1892 г. Что же, и тут самодержавие? Ничего подобного! Это русский народ. Так торопитесь же!»

2. Быт и нравы пошехонской «черты»

К началу 1900-х годов рана, нанесенная погромом, как будто стала заживать, и город принял обычный провинциальный вид.

Лабазники сидели у своих прилавков, лениво передвигая шашки в дамки. Чиновники брали взятки, мелкие торговцы стригли крестьянский и рабочий люд, а мелкие хозяйчики-кустари – портные, сапожники, кровельщики, слесаря и т. п. эксплуатировали и други своя, и детей своих.

Мещане, что жили на окраинах города, занимались огородничеством и в праздничные дни перепивались допьяна, устраивая лупцовки, скандалы и т. п. Тогда глухие улицы нашего города вдруг превращались в арену борьбы, в плацдарм, на котором «стена шла на стену». Люди от мала до велика испытывали звериные удовольствия в сворачивании скул своему ближнему, и ни малейшего просвета в жизни городка не было и не предвиделось.

Еще хуже текла жизнь на улицах еврейской бедноты. Здесь по традициям десятков и сотен лет обитатели были запуганы своим собственным суеверием, согбены нищетой полудикой жизни в нечистоплотных домишках на курьих ножках. Они изнывали в вечной суете мелкой копеечной торговли, либо старились и гибли безвременно от изнурительного труда в мелком кустарном ремесле.

Погром несколько всколыхнул застоявшееся болото. Наиболее состоятельные двинулись по путям эмиграции в Америку, Англию или даже Палестину, другие правдами и неправдами подкупали чиновников, выдававших «правожителства» вне черты оседлости, третьи путем испытаний при ремесленной управе обзаводились средневековыми документами «цеховых мастеров», дававшими право выезда из «роковой черты», где, по словам еврейского поэта Фруга, было

Столько горя, столько муки, хоть друг друга пожирай.

Не хватит пищи миллионам, как сельди, сдавленных людей.

Но что до этого законам! Ты человек? – Нет, еврей.

Из этой «черты» двигались вглубь центрального промышленного района и здесь постепенно устраивались.

Многие из нашего городка начали приступом брать твердыню науки, куда доступ был открыт немногим счастливым богатеям, умевшим попадать за приличную мзду в «процентную норму»⁶. Большинство же еврейской бедноты, разумеется, по-старому

⁶ «Процентная норма» была установлена для еврейских учащихся царским министерством народного просвещения. По этой «норме» в гимназии и др. средние и высшие учебные заведения еврейская молодежь принималась лишь в количестве от 5 до 10% общего числа принятых в названные школы. (Примеч. авт.).

оставалось за бортом науки, мыкая горе. Впрочем, здесь особенно налегали на другую, уже своеобразную науку – на Талмуд⁷ и все премудрости Ветхого завета.

Начиная с 7 до 9 лет, мне пришлось тоже вкушать из этой книги тьмы и невежества. Отец мой, мелкий ремесленник-портной, обремененный многочисленной семьей, не мог мне дать должного воспитания и пошел по стопам праотцов, толкнув меня в еврейский «хедер» (школу). Здесь пресловутые меламеды (учителя) забивали мне голову разными премудростями пророков. Но от того толку, видимо, не получилось, так как я плохо воспринял темную, невежественную галиматью и проявил некоторую тягу к изучению настоящей, неподдельной грамоты.

Не помогли розги свирепого «меламеда» (учителя), которому я задавал странные вопросы: «отчего не все люди перед богом равны; почему избранному богом народу попадают кулаки презренных "гоев"; почему папаша и все работающие с ним в мастерской бедствуют, а у меня сапоги рваны, тогда как богачи-евреи Лазаревы ничего не делают, а хорошо одеваются и дети их сытые в гимназии учатся». За это мне в школе попадало. А дома бедняк отец, не сводя концов с концами, вымещал злобу на мне. Особенно усилилась проборка, когда узнали, что я не молюсь, школу мало посещаю, а пресловутое учение Талмуда просто не понимаю.

10-ти лет я попадаю, наконец, в еврейскую министерскую школу.

3. Школа, игры и первая «крамола»

В школе, наряду с патриотической дребеденью и «законом божьим», впервые начинаю знакомиться с русским языком и со счетом. Цифры, задачи имеют магическое влияние, я успешно иду по арифметике, одолеваю грамматику, знакомлюсь с историей, географией. Мало того, при школе учитель музыки и пения. Я попадаю в оркестр. Одновременно детские забавы, общение с учениками, школьные игры в лапту. Проказничество с учителями и, наконец, борьба с ними на почве наших опаздываний и детских шалостей, наказания путем оставления «без обеда», сидка в карцере. Отсюда вражда к учительскому начальству, к богатым, к «маменькиным сынкам», избавленным от всяких наказаний, а как венец всего этого, еще неосознанная, но подлинная ненависть к богачам, к полиции и к главному полицейскому – царю.

До сих пор мне памятен один эпизод из моей школьной жизни. Будучи уже в третьей, то есть в последней группе нашей школы, я остался как-то дежурить в классе на большой перемене. Мне помогал Невелев – один из первых забияк и шалунов. Посоветовавшись с ним, мы, под влиянием какого-то популярного анекдота об Екатерине II (их немало распространялось в ученической среде, и все это приписывалось Пушкину), так разрисовали портрет «великой царицы», висевший на стене, что

⁷ Талмуд – еврейские религиозные книги, написанные еврейскими священниками раввинами. (Примеч. авт.).

пришедшим ученикам стало любо-дорого. Однако, мы с Невелевым довели дело до конца, то есть под всеми портретами общей карты «Дома Романовых» сделали соответствующие надписи; кому досталось – «Ванька Дурачок», кому «пес зубастый» (Николай I), а хуже всех расписали «голых» цариц. Разделав под орех общую картину Романовых, мы вдобавок выкололи пером глаза из отдельного большого портрета Николая II, висевшего в раззолоченной раме. Явившийся в класс заведующий школой пришел в ужас. Я и Невелев скорчили невинный вид...

Надравши нам предварительно уши, заведующий школой Розенблат немедленно созвал педагогический совет, на котором было решено исключить нас из школы. Отстаивал нас лишь учитель музыки, боявшийся, что у него оркестр окажется без корнетиста и альты, каковыми были я и Невелев. Кончилось дело карцером. Вызвали «папаш», отпустивших нам свои порции тумачков. Портрет был снят и в рамку был вставлен новый, на этот раз в кавалерийском мундире и под стеклом. Убрана была также и общая картина «Дома Романовых».

Вскоре, однако, мне с грехом пополам удалось закончить школу. Одно время я возмечтал по примеру моих товарищей заделаться музыкантом. На этот путь нас, мальчишек, увлек А.А. Рубец, некогда бывший профессор консерватории, теперь ослепший на старости лет. Он покровительствовал нашей школе. Думалось одно время, что попаду в консерваторию. Но для этого не было ни средств, ни образовательного ценза, а главное – не было «правожительства», дающего возможность жить в Питере или Москве. Оставался путь отцов и дедов.

4. Учеба в мастерской, эксплуатация и первые проблески борьбы

Мне едва исполнилось 13 лет, как отец уже предложил мне крепко подумать о «самоокупаемости».

Я попал в ремесленную портновскую мастерскую сначала к отцу. Желая обеспечить мои успехи в учении, отец отдал меня на выучку к подмастерьям, у которых я был на побегушках. Мастерские не столько занимались моей учебой, сколько наделяли меня пинками, издевательствами и колотушками. Не любили меня по многим причинам: во-первых, я казался мастерским каким-то чужеродным растением – ягодой нездешнего поля. Шутка ли в самом деле? Все они были невежественны и темны, точно ночь египетская, я же кончил школу. Нужды нет, что приобрел в ней микроскопические знания; по вечерам, однако, я читал книжки, которые по старой связи с школой я брал из школьной библиотеки. Кроме того, я даже выводил мелодии на корнете, отвлекая внимание швеек соседних мастерских, что тоже не нравилось нашим мастерам. Ко всему этому нашим мастерам мерещился во мне на первых порах «хозяйский глаз». Однако, скоро они должны были убедиться, что насчет «глаза» они определенно ошибались.

В начале 1900-х годов в нашем городе появились первые социал-демократы. Население называло их «демократами». Это были отдельные рабочие-ремесленники. Побывавшие в крупных южных городах и оттуда высланные после прокатившейся первой волны южнорусских забастовок.

В 1902 г. первыми появились Велька Хромоногий и Алтер Беленький. Сапожник по ремеслу, Хромоногий Велька был соучастником забастовки на Брянском заводе в Екатеринославе и в наш город попал под надзор полиции. Беленький «Кенич», стародубец, побывал в Одессе, принимал участие в рабочем движении печатников и после забастовки был также выслан к нам, как поднадзорный. В дальнейшем проводниками революционных идей являются либо приезжающие на каникулы студенты, либо так называемые «экстерны». Это в большинстве бедняцкая молодежь, которая, за неимением средств и доступа в нашу гимназию, готовилась самостоятельно держать экзамены при гимназии, чтобы теми или иными путями попасть в стены средней школы или получить право фармацевта-ученика. Вот эти-то пролетарии «экстерны» по всей черте оседлости и были первыми рассадниками социалистических идей.

Перебиваясь с хлеба на квас, они очень хорошо понимали горькую долю рабочих. Они откуда-то доставали нелегальные книжки в черненьких переплетах. Они первые начали знакомить еврейскую бедноту с тем, как люди живут в разных странах. Они же начали нам открывать глаза на божий мир, на существующую в нем борьбу за существование, на борьбу классов, на эксплуатацию и т. д. Велька Хромоногий – сапожник и Беленький – печатник внушили нам мятежные мысли о том, что так дальше жить нельзя.

А что жизнь наша была, действительно, каторжная, в этом сомнений быть не может. Достаточно сказать, что у нас, например, у портных (то же у сапожников и других ремесленников) рабочий день был совершенно неограничен.

Маленькие хозяйчики-кустари в своем эксплуатационном рвении превосходили во много раз каких-нибудь директоров крупных капиталистических предприятий. Если в Питере или на южных крупных заводах уже в конце 1897 г., после прокатившейся забастовочной волны, в законодательном порядке был осуществлен 11½-часовой рабочий день и как-никак упорядочены взаимоотношения между предпринимателями и наемными рабочими, то в глухой провинции, в мелких кустарных мастерских, об этом, конечно, не могло быть и речи. Здесь работали по 18–20 час. в сутки, старились в 30–35 лет и умирали от истощения в 40 лет. Не облегчалось это положение и тем, что и сам кустарь-эксплуататор обычно не щадил себя и наравне со всеми несколькими мастеровыми, а зачастую и детьми вставал в 4–5 час. утра и, работая целый день, ложился спать поздней ночью. Разумеется, кустарь-хозяин за свой тяжелый труд получал соответствующее вознаграждение и к тому же эксплуатировал других, пользуясь как

работодатель прибавочной стоимостью, тогда как рабочие от каторжного труда получали гроши, едва хватавшие на хлеб.

Озаренные первыми проблесками социалистических идей, наши пролетарии заволновались. Едва читавшие по складам русские книги жадно проглатывали брошюры «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», «Сказку о четырех братьях», а из легальной литературы – неизменного «Спартака», «Хижину дяди Тома» и тому подобные вещи.

До сих пор еврейские рабочие и беднота в единственные дни отдыха – в субботы или по праздникам – ходили в синагогу, чтобы здесь выслушивать лукавые мудрствования религиозных проповедников, учивших терпению и суливших перспективы божественного рая на том свете. Случалось изредка слушать и переезжающих с места на место проповедников (магидим). Большей частью это были националистические душеприказчики сионизма, «пророчески» негодующие по поводу «забвения заветов избранного народа». Эти господа после предварительного сбора по 5 коп. с рыла возвещали еврейскому народу о пришествии нового Мессии. Этот новый Мессия был не кто иной, как австрийский доктор Герцель⁸ или доктор Нордау⁹ и др.

Рассказывали проповедники чудеса, проявленные основателями сионизма, как они ездили к английской королеве Виктории, к турецкому султану Абдулу-Гамиду с хлопотами о возвращении «избранному народу» «страны отцов». Сообщалось даже с большой торжественностью о том, что кто-то из этих господ ездил к русскому царю и все с той же целью широкого проповедования переселения евреев из России и заселения ими Палестины. Находились среди молодежи лица, увлекшиеся этим сионистским поветрием. Особенно эта идея была по душе мелкой еврейской буржуазии. Но не пошел за ними еврейский рабочий. Сначала пролетарским чутьем, а затем уже подчиняясь воле законов классовой борьбы, еврейский пролетариат почувствовал, что ему не по пути с сионистами, пытающимися путем национальной утопии уничтожить классовую борьбу, назревающую на еврейской улице точно так же, как у народов всех стран и наций. Не верил еврейский пролетариат также и в колониальный банк, основанный в Лондоне и предназначенный будто бы для осуществления великой национальной идеи. Как-то само собой разумелось, что главными акционерами банка состоят тузы еврейского или, вернее, интернационального капитала – Шифы, Зангвили, Ротшильды и т. д., стремящиеся не столько воскрешать еврейские кладбища древнего Иерусалима, сколько возвращать и округлять свои крупные банковские капиталы.

⁸ Теодор Герцель – австрийский еврей, мелкобуржуазный публицист, основавший в начале 90-х годов прошлого века партию сионистов. (Примеч. авт.).

⁹ Нордау – известный австрийский писатель. В некоторых своих философских работах является защитником мелкой буржуазии, а в национальном вопросе – сионист. (Примеч. авт.).

5. Зачатки организации и стачечная борьба

Вслед за сионизмом и его первоначальным успехом появился его могильщик – пробужденный революционным набатом еврейский рабочий класс. Разумеется, что все моменты развития сионизма, его «восход» и быстрый закат точно так же, как рост революционного движения и развитие пролетарских идей, целиком отражались и в маленьком Стародубе. В 1902 г. здесь возникает первая стачка среди портных, сапожников, столяров и др. ремесленников.

Велька Хромоногий, экстерн Брук (ныне коммунист) и другие успели все-таки зародить в среде рабочих кое-какие ростки революционных идей. Наиболее подготовленным руководителем этих стачек был, несомненно, Гирша Либин (ныне беспартийный, директор «Москожа»). Будучи тогда «бывалым» человеком, Г. Либин играл наиболее видную роль в подготовке пропагандистских сил.

Недавно закончив обучение портновскому ремеслу, я, тем не менее, также принял деятельное участие в этой первой стачке. В то время я уже покинул мастерскую отца, а работал в более крупной мастерской Рубизова, где эксплуатация доходила до совершенно невероятных размеров. Мало того, что люди работали по 16 и 18 часов в сутки, получая за этот каторжный труд до 10–12 руб. в месяц на своих харчах и 5–8 р. в месяц на хозяйских хлебах, но перед Рождеством, Новым годом или перед Пасхой рабочие должны были сидеть ночи буквально напролет без сна. Все это для того, чтобы какая-нибудь дама могла на Рождество облачиться в соболя, и для того, чтобы паук-хозяйчик смог взять лишнюю пару рублей за так называемую «спешку». Рабочий же от этой «спешки» не только ничего не получал, но к утру засыпал над иголкой. Были случаи, когда на машине прокалывали себе машинной иглой пальцы от совершенного обалдевания. Мне довелось с папиросой в зубах заснуть над «ротондой». Огонь, попав на сукно, зажег его, и присутствовавшие чуть не задохнулись от гари сукна и меха. За всю эту каторжную работу по «спешкам» рабочий ничего не получал сверх нищенского оклада, едва хватавшего на жизнь впроголодь, на хозяйских хлебах. Изредка от щедрого заказчика подмастерью попадало 15–20 коп. – «магарыч» или «на чай».

Во всех других мелких ремеслах, нисколько не отличавшихся по своим бытовым условиям от только что описанной портновской мастерской, рабочим также стало невмоготу терпеть. И вот к описанному мною времени здесь, в этой паутине беспощадной эксплуатации, назрело столько злобы, что не хватало только спички, чтобы загорелся огонь. Такой случай не заставил себя ждать.

У рабочего в мастерской Чернова вышел скандал с хозяином при расчете. Рабочему насчитали столько якобы прогульных дней, что ему буквально пришлось доплачивать хозяину, вместо того чтобы получить что-нибудь для прокормления семьи. Возник скандал и мордобитие. Таких случаев было немало и до того, но они проходили как-то незаметно. На этот раз к протесту рабочего присоединилась вся мастерская, а отсюда пошли в другие

портновские мастерские и сняли рабочих с работ. Были выработаны требования и объявлена забастовка. Требовали 12-часовой рабочий день, увеличения поштучных расценок и... вежливого обращения, а также, чтобы работы в праздничные дни не производились по вечерам. Так как все это вспыхнуло стихийно, то забастовка не везде была выиграна; тем не менее, в главных предприятиях хозяева, застигнутые врасплох перед праздничным сезоном (дело происходило в сентябре), все же уступили.

Эта первая, хотя и не полная, победа еще больше сплотила рабочую массу и толкнула ее на путь революционной борьбы под знаменем социал-демократии. Мне удалось прочитать достаточное количество брошюр, в том числе пару номеров каким-то чудом попавшей к нам «Искры» и еврейского подпольного журнала «Ди Арбайтер Штиме» («Рабочий голос»), но толком в политике я еще не разбирался.

После забастовки многим из ее участников пришлось улетучиться из города, так как полиция начала преследовать наиболее активных ее организаторов. Был арестован Брук, затем Молочников и др. Попав в немилость отца, у которого я снял во время забастовки двух рабочих, я также должен был убраться из Стародуба. Тайком, чтобы отец не заметил, я ночью умчался на вокзал, а оттуда без копейки денег в кармане забрался в поезд и «зайцем», спрятавшись под скамейкой, через 6 часов езды прибыл в Гомель.

6. Гомельская организация Бунда 1903–1904 гг.

В городе Гомеле, когда-то сыгравшем видную роль в развитии рабочего движения, борьба кипела уже вовсю.

Точно борозды на весеннем поле, пустившем первые зеленые всходы, здесь уже были заметны межи, разделявшие рабочих на социал-демократов и эсеров, а первых даже на «бундовцев» и «искровцев». Были среди рабочих и другие группировки, например, сионисты разных наименований. Такая разношерстность в еврейском рабочем движении, с основным уклоном его в сторону Бунда, являвшегося, как известно, социал-демократической организацией с значительной примесью мелкобуржуазной национальной идеологии, объясняется теми особыми условиями, которые были присущи исключительно черте еврейской оседлости и ее социальному укладу.

Политически бесправная под игом национального угнетения еврейская беднота лишена была возможности жить в крупных промышленных областях и вынуждена была поэтому искать себе средства к существованию в мелкой копеечной торговле или в кустарных ремесленных мастерских. Даже рабочие высокой квалификации – металлисты, деревообделочники, строители – не допускались на казенные фабрично-заводские предприятия или на железную дорогу.

Ввиду указанных причин, промышленного пролетариата в том виде, как мы его наблюдаем на крупных заводских предприятиях, в черте оседлости не существовало. Вот почему такое исключительно тяжелое положение еврейских рабочих создавало в них

особую психологию, несколько отличающуюся от того здорового сознания, которое свойственно пролетариату крупных заводских предприятий. На крупных предприятиях, где рабочие объединены особыми условиями производства, они выступают солидарно, имея перед собою определенного врага в лице крупного капитала. Совершенно иначе обстоит дело в мелком ремесле. Здесь зачастую рабочие разрозненны и бессильны в борьбе против хозяйчиков-кустарей, едва способных выдержать натиск крупного капитала, с одной стороны, и наступление рабочих – с другой. Это своеобразное экономическое положение и рождало мелкобуржуазный характер еврейского рабочего движения, его разношерстность. Среди еврейских масс все революционные партии имели своих сторонников, однако, наибольшим влиянием в этой среде, несомненно, пользовался Бунд. Положительная сторона и историческая его заслуга перед революцией заключалась в том, что ему, как никому другому, удалось из разрозненных нищенствующих рабочих черты оседлости сколотить довольно крепкую организацию, которая на первых порах шла в ногу со всеми передовыми организациями рабочих, захваченными только что народившейся РСДРП. Положение изменилось уже позднее, после Второго съезда партии, когда линия Бунда по национальному вопросу, а равно и в области строительства партии не совпала с общей линией партии. Претендуя на «единственное» представительство от имени еврейского пролетариата России, Литвы и Польши в международном социализме и в РСДРП, Бунд, как известно, вышел из партии и начал самостоятельное существование в 1903 г. Тем не менее, он в этот период сделал немало в деле собирания сил еврейских пролетариев, а в области тактики целиком придерживался линии большевиков. В своих нелегальных изданиях за границей «Последние известия», а также в России «Дер Бунд» он выступал сторонником политической борьбы пролетариата за общепролетарские цели в России. При этом наравне с искровцами он жестоко высмеивал «экономистов» – рабочедельцев, меньшевиков, склонявшихся к возможности совместной работы с радикалами и мелкобуржуазными партиями.

Мало этого, уже после II съезда РСДРП, после своего официального выхода из партии, вследствие своего мелкобуржуазного уклона по национальному вопросу и организационному строительству, Бунд в то же время являлся самым жестоким борцом против национализма буржуазных сионистов. Он же сильно боролся против всяких разновидностей этого мелкобуржуазного течения, например, против «Пеоле-Сион», «возрожденцев» и др. Нужно сказать, что эти годы, то есть с 1903 вплоть до 1907 г., были самым блестящим периодом борьбы Бунда. Признавая сейчас, конечно, большую ошибку и заблуждения, допущенные Бундом в национальном вопросе, и самый мелкобуржуазный характер программы и тактики Бунда, приходится все же отметить, что на Северо-Западе и на Юге он среди еврейских рабочих сыграл, несомненно, организаторскую спланивавшую роль. Организация строилась по принципу кружковщины.

Кружки, обычно составлявшие ремесленные цехи, собирались в конспиративных квартирах где-нибудь на окраине города. Эти окраины, носившие в Гомеле своеобразные названия «Америка», «Кавказ», прятали крамолу в хибарках какого-нибудь бедного ремесленника.

Цех был ничем иным, как своеобразным профессиональным союзом. Цех сапожников, столяров, портных и т.д. руководился лицами, уполномоченными всемогущим «комитетом», о котором ходили легендарные слухи, местопребывание которого знали лишь отдельные посвященные в конспирацию товарищи. Организованные по цехам рабочие обыкновенно собирались на «бирже», которая в жизни Бунда на всем Северо-Западе сыграла почетную роль в деле сплочения широких масс. Об этом своеобразном учреждении, сыгравшем крупную роль в пролетарской борьбе, нужно сказать несколько слов.

«Биржа» неоднократно поливалась кровью борющихся сторон, но об этом после, а теперь нужно ответить на вопрос: что такое «биржа»? В дореволюционное время это – обыкновенная улица (в Гомеле – Кузнечная), где по вечерам, после дневных трудов, парочки ходили взад и вперед, непринужденно болтая о разных разностях своего житейского быта. Обычно это делалось по вечерам пятниц, после ужина, то есть накануне шабаша (субботы). Местом гулянья состоятельных классов были наиболее богатые улицы, например, Румянцевская, и на ней пролетарии показывались лишь в особенно торжественных случаях, например, при обновлении костюма, чтобы людям себя показать – «смотрите, дескать, какие мы», даром, что завтра спину гнуть в три погибели над верстаком или иголкой придется. Большинство бедноты знало свою Кузнечную улицу. Здесь, просто говоря, в тихие времена было место гулянья. С тех же пор, как началось социал-демократическое движение среди рабочих масс, Кузнечная улица постепенно начинает оживляться и из места простого гулянья в 1903 г. превращается буквально в кипучую котловину.

Какие вопросы здесь не ставились? Какие задачи не разрешались? Задышавшиеся в тяжелых антисанитарных условиях рабочие разных ремесел, как только кончалась работа, спешили немедленно на «биржу». Было совсем не обязательно, чтобы на биржу ходили только партийные. Наоборот, хотя здесь чувствовалось дыхание партий, притом разных партий, но являлось сюда много беспартийных рабочих. По участкам уличных панелей можно было судить, где участок Бунда, где «Искры» и где эсеров.

Вот самая людная и кипучая часть улицы, здесь район Бунда. Подлинных партийцев немного на бирже, но чувствуется волшебное влияние Бунда, и масса готова за ним идти по первому зову. А вот менее людная часть, здесь «искровцы». Говор идет на ломанном русском языке, ибо нужно доказать бундовцам, что те неправы, будто еврейская масса говорит только на жаргоне. Нет. Смотрите, мы умеем разговаривать и по-русски. Бундовцы хитро посмеиваются над «русификаторами» и их «русским» языком. Но в

общем «державы», несомненно, находятся в дружественных отношениях и даже нередко устраивают «бои» с общим врагом, невдалеке отсюда находящимся, с эсерами, а еще подальше с сионистами разных толков. Среди эсеров мелькают лица в очках, с длинными волосами. Вопросы стоят на «бирже» разные. Здесь обсуждается очередная забастовка, возникшая на спичечной фабрике в Белице, способы ее поддержания. Толкуют о разных системах борьбы пролетариата, делятся впечатлениями от прочитанной книжки в неизменном черном переплете или толкуют о случайно попавшем номере «Искры», «Последних известий», «Дер Бунд» и т. п. Особенно оживляется «биржа», когда услышит что-нибудь из ряда вон выходящее, например, про покушение Гирш Лекерта на Фон-Валя после известной демонстрации в Вильне и т. д.

Попутно здесь возникают споры о поступке Лекерта. – Ведь это террор! – кричат те, кто считает себя сторонниками марксизма. – Правильно ли он поступил с точки зрения социал-демократии?

Находятся тут же защитники Лекерта из тех же марксистов. – Ведь это не систематический террор, который проповедуется эсерами, а месть за издевательства над товарищами! Не смог стерпеть Лекерт безобразий, чинимых над социал-демократами царским сатрапом. Пусть не доходят до звериных и подлых методов борьбы и порки женщин-работниц! Слава и хвала герою пролетарию-сапожнику! Пусть «сволочь Фон-Валь и его прохвосты» знают, что не все с рук сойдет! А разве мы на демонстрации будем церемониться с «фараонами»? Зачем же у нас оружие?

– Ну, это дело другое – то массовая борьба, а не личный акт, заставляющий массы быть бездеятельными и возлагать надежды на «героев». Нам этого не надо.

– «Никто не даст нам избавленья, – ни бог, ни царь и ни герой. Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой».

– Да, все это так, – вмешивается кто-то из сочувствующих эсерам, – а все-таки Перовскую, Желябова чтим, о них рассказываем, а разве Карпович и Баташов не герои?

Загорается спор, собираются кучки. Слушают. Отделяются новые группы, и спор продолжается до поздней ночи. Дебаты и споры, возникающие между наиболее сознательными представителями разных партий, либо дискуссии даже в среде единомышленников прежде всего были замечательны тем, что вовлекали менее сознательных рабочих. «Биржа», таким образом, превращалась в своеобразный клуб, трибуна которого воспитывала сырую массу и отшлифовывала сознание последней. Разумеется, роль «биржи» этим не исчерпывалась. Биржа нередко превращалась в арену активной борьбы. Дело в том, что, благодаря особой обстановке, существовавшей тогда в затхлой «черте оседлости», Бунду, в своей роли руководителя рабочего движения, приходилось воспитывать массы не только путем пропаганды и агитации, даже не только путем экономической стачки. Кто помнит это время, тот знает, что бундовским

организациям приходилось частенько вступать в открытую борьбу с агентами правительства, с полицией и даже войсками.

После Кишиневского погрома ЦК Бунда был брошен лозунг самообороны. Вокруг этого лозунга сначала сплотились не только революционные силы еврейского пролетариата, но и националистически настроенные представители мелкобуржуазных еврейских партий, например, «пеоле-сионистов»¹⁰, «возрожденцев», «сионистов-социалистов» и т. д. Вскоре, однако, эти самообороны превращаются в боевые отряды еврейского пролетариата.

7. Вооружение боевых отрядов и военная хитрость

Самообороны, возникшие после Кишиневского погрома 1903 г. и действовавшие еще во время Гомельского погрома 1904 г., постепенно превращаются в боевые отряды Бунда. Само название «самооборона» уже меняется, как нечто неподходящее к боевой пролетарской организации, которой чужды цели «общенациональные». На этой почве происходили подчас весьма курьезные случаи конфискации оружия у сионистов при помощи военной хитрости. Так, например, в Гомеле в 1904 г. имел место известный еврейский погром, устроенный при благосклонном участии полицеймейстера Раевского и некоторых купцов. К этому времени действовала «самооборона», в которой главными руководителями были бундисты, но было много и вооруженных сионистов.

Лейба «Страдалец» – рабочий, погибший позднее в Речице во время схватки с жандармами, Лейба «Руль» и другие бундовцы руководили делом. Самооборона дала отпор хулиганам и тесней сплотила пролетарские ряды. Однако, оружие, коим запаслась молодежь различных направлений, оставалось на руках большей частью состоятельных сионистов. И вот спустя некоторое время была дана директива образовать вместо самообороны «боевые отряды». Ясно, что на подобную вещь буржуазные сынки из других партий соглашаться не могли и оружия не отдавали.

Они стояли на позиции самообороны «избранной нации» и готовы были выступать только в самых крайних случаях, когда опасность грозила всем евреям; наоборот, в борьбе Бунда сионизм видел источник погромов. Между тем, боевые отряды Бунда имели совершенно иное назначение.

Поражение царизма на полях Маньчжурии в Русско-японской войне 1904 г., бездарность и придавленность царских генералов, террор фон Плеве и начавшееся быстрым темпом революционизирование масс заставляли думать о возможности

¹⁰ Речь идет о сторонниках еврейской социал-демократической рабочей партии «Поалей Цион» («Рабочие Сиона»). По инициативе Бера Борохова и Шимона Добина в 1900–1901 гг. в Екатеринославе была образована первая группа «Поалей Цион». Чуть позже, в 1901–1902 гг. организации «сионистов-социалистов Поалей Цион» возникли уже в Варшаве, Вильно, Витебске, Двинске, Одессе и других городах Российской империи.

вооруженных демонстраций и открытой борьбы с агентами самодержавия. Случаи забастовок в Белостоке, Лодзи и самом Гомеле, вооруженные столкновения с полицией – все это ставило на очередь вопрос о вооружении.

Однако, при вышеописанных настроениях многих членов «самообороны», дрожавших за шкуру «избранной нации» и смотревших на революционную борьбу, как на коренную причину всяких погромов, просить оружие, имевшееся в достаточном количестве у сионистов и буржуазных сынков, было бы, конечно, наивно. И вот Гомельский комитет Бунда того времени прибег к своеобразному способу конфискации оружия у буржуазии, способу, который, благодаря подпольным условиям того времени, был применяем почти повсеместно и, в частности, в городах Почепе и Новгород-Северске, где мне приходилось до известной степени руководить организациями.

Каков же был этот способ? Я упомянул выше, что сторонниками самообороны являлись везде бундовцы. Самооборона, разумеется, строилась по всем правилам конспирации. Она делилась на десятки, имела главный сборный пункт. Обычно во главе каждого десятка стоял уполномоченный товарищ от Бунда. Когда начинались слухи о погромах, оружие, обычно хранившееся в целях конспирации у каждого самооборонца на руках, собиралось по десяткам, его приносили вооруженные самооборонцы, и старший распределял роли, назначал дежурства и т. д., чтобы в момент вспышки погрома иметь возможность согласованных действий.

И вот бюро боевого отряда начинает распространять и раздувать слухи о погроме, имевшие в те времена большие вероятия. Когда оборонцы принесли оружие на сборные пункты, то силою оружия подготовленных бундовцев револьверы были конфискованы у сионистов и буржуазные сынки остались с пустыми руками. Также поступали в Почепе, Новгород-Северске и других городах. Разумеется, после этого сынки буржуазии негодовали на «обманщиков бундистов», но других способов вооружения боевых отрядов без особенной затраты сил и средств не было. Помнится, правда, что в том же 1904 г. на оружейный магазин на Замковой улице (кажется, Завьялова) было совершено нападение боевого отряда Бунда и взято много револьверов, но это уже было время, когда близились события 9 января и весь бурный 1905 г. Чтобы не забегать вперед, вернусь к тому положению, которое я застал в Гомеле в 1903–1904 гг.

8. Борьба за «биржу», подполье, Лейба «Страдалец»

Полиция до поры до времени в дело «биржи» не вмешивается. Храни Аллах того полицейского или «гороховое пальто» (шпика), который вздумал бы попасть в этот муравейник: либо заклюют, либо отобьют ребра. Курьезно, что в эту кашу и я чуть не попал. Приехав в Гомель, я в первый же день пошел на «биржу» в надежде увидеть Брауде. Будучи близоруким, я часто вынимал очки, чтобы пристальней всмотреться в показавшиеся мне похожие на Брауде лица. Это кое-кому показалось весьма

подозрительным. К моему счастью, я, наконец, встретил ожидаемого мною товарища и пошел с ним по «бирже». Уже через несколько минут парочка подошла к нам и, узнав от моего приятеля, что я свой человек, со смехом рассказала нам, что мне «могло влететь по первое число» и мне бы намылили шею не на шутку.

Такова была Гомельская «биржа».

Почему полиция тогда смотрела сквозь пальцы на этот революционный муравейник? Трудно теперь судить. Думается, во-первых, из трусости, а, во-вторых, полиция все-таки хорошо знала, что настоящий очаг крамолы не здесь, на улице, а где-то по углам окраины города, в той же «Америке» или на «Кавказе». Впрочем, шпикам хорошо было известно, что крамола гнездится и тут, в центре города, в так называемой «Швейцарии».

Эта последняя представляла собою громадный ров, испещренный извилистыми улочками и закоулками, которые были застроены удивительными хижинами еврейской бедноты. Спускаться в эту «Швейцарию» нужно было по лестницам. Здесь сам черт ногу сломит, и попробуй сюда попасть «шпик» или городской – ясно, живым не выйдет. А революция сумела свить себе здесь прочное, хотя и не совсем уютное, гнездо. Именно в этой знаменитой «Швейцарии» устраивались самые ответственные заседания боевых организаций, здесь же где-то хранился динамит и тут же была нелегальная «техника», выпускавшая не только бундовские листки, но и листки Полесского комитета РСДРП, а нередко помогавшая даже эсерам.

Разумеется, все это было строжайшим образом законспирировано, так сказать, за семью замками. Лягавые собаки жандармерии, конечно, догадывались, что главное зло здесь, именно в этой удивительной «Швейцарии», но были бессильны что-либо сделать. Однажды пробовали даже нагрянуть с обыском и попали именно к Лейбе «Страдальцу», но увы, кроме горького разочарования, из этого предприятия ничего не вышло.

«Страдалец», на редкость крепко сложенный парень, добродушно об этом сообщал многим товарищам. «Я, – рассказывал он, – был предупрежден, что у меня будет обыск. Ясно, на квартире у меня ничего не осталось. Но зато, чтобы накуролесить и позлить подлецов, я сжег много разных старых газет и всякого бумажного хлама и положил на стол в тарелку. На крылечке, где одна ступенька небольшой лесенки была оторвана, я нарочно положил доску с таким расчетом, чтобы первый вступивший на нее провалился. Сам лег спать. Вдруг слышу – бряцают шпоры, подозрительный шум и говор, кто-то охнул от боли. Оказалось, план удался на славу. Ступивший в темноте на злополучную ступеньку не только провалился, по поднявшийся конец доски вследствие ее провала так ловко хватил жандарма, что тот застонал и кого-то опрокинул.

Наконец, стук. Спокойно открываю дверь. Зашли злые презлые и зажгли электрический фонарь. Начинают обыск, ни черта не находят. Переворачивают грязное белье. Нет как-нет крамолы! И вдруг:

– Что за пепел? – грозно орет жандармский офицер.

- Пепел как пепел, – спокойно отвечаю.
- Да это были прокламации преступного содержания, – ревет жандарм.
- Ну, что же, читайте.
- Как это читайте! Почему сжег?
- Так нужно было.
- Так это были прокламации? Сейчас же составить протокол. Я тебе покажу, жидовская морда, как прокламации сжигать!
- А кто вам говорил, что это были прокламации? Этого как будто не видно.
- Ты же только что сам говорил – «читайте».
- Коль охота – пожалуйста.
- Арестовать его!

Повели в участок, а на другой день к вечеру отпустили за неимением улик».

Возглавлял этот «Страдалец» цех столяров и имел тесное отношение к руководящей головке бундовской организации. Не будучи особенно искусственным в политике и не особенно разбираясь в различных течениях пролетарского движения, «Страдалец» был на редкость преданным и исполнительным товарищем в технических делах организации. Особенного внимания заслуживала его работа по организации боевых отрядов на всем северо-западном районе.

Самые опасные предприятия по развозке оружия и даже начиненных бомб в места, где назревали неизбежные столкновения рабочих с полицией, или где ожидалось выступление черной сотни – все это поручалось Лейбе «Страдальцу». Наверное, у некоторых гомельчан сохранилось в памяти следующее событие. Это было летом 1905 г., когда борьба на Севере-Западе, а в частности в Гомеле, стала довольно открытой. В Гомель прибыл полицеймейстер Хлебников, поставивший себе целью во что бы ни стало разогнать уже описанную мною «биржу». На заседании Б. О. (боевого отряда) было решено без боя «биржи» не отдавать. Но Хлебников применил самые крайние меры борьбы в целях ликвидации ненавистой «биржи». Полудиккий эскадрон ингушей (казаков) с шашками наголо вначале прогарцевал вдоль улицы, чтобы своеобразной демонстрацией напугать гуляющую публику. Последняя, однако, будучи предупреждена, продолжала ходить взад и вперед. Тогда ингуши начали насаждать на тротуары, рабочие были оттеснены в подъезды и дворы, но после исчезновения ингушей все вновь высыпали на улицу, продолжая гулять, как и раньше. Озверевший Хлебников решил пустить в ход нагайки. Кое-кому из рабочих попало, но, когда толпа была оттеснена, боевики, согласно заранее принятому плану, дали по ингушам залп из револьверов. Началась перестрелка. В результате человек 20 было арестовано, избито и брошено в участки и тюрьмы. «Биржа» на некоторое время была побеждена, но вскоре рабочие, как ни в чем не бывало, снова появились на «бирже».

Хлебников обрушился с новыми карами. И вот однажды во время разъездов «царя Гомеля» «Страдалец» бросает бомбу под его пролетку. Бомба почему-то не взрывается. Тогда Лейба «Страдалец» вынимает браунинг и стреляет в Хлебникова. Таков был этот храбрый пролетарский боевик, погибший затем, как герой, в Речице, благодаря собственной оплошности. В Гомеле стало известно, что в Речице готовится погром и Гомельский боевой отряд выслал туда человек 20 во главе с «Страдальцем». И вот на станции Гомель «Страдалец», пренебрегая всякой осторожностью, покупает сразу 20 билетов. Кассир, обратив на это внимание, немедленно передал депешу в Речицу, а здесь боевиков встретили вооруженные жандармы, и после горячей и геройской перестрелки все были убиты, за исключением 2–3 товарищей, оставшихся инвалидами, – кто без руки, кто без ноги. В этой перепалке «Страдалец», получив 11 штыковых ран, пал смертью храбрых.

9. Одесская забастовка портных

Еще до описанных мною событий, оставшись без работы в Гомеле, летом 1903 г. я уехал в Одессу, где принял участие в крупной забастовке портных.

В этих двух сравнительно крупных центрах рабочего движения, в Гомеле и Одессе, я практически ознакомился с борьбой рабочего класса, видел его страдания, чувствовал на своем горбу прелести эксплуатации и достаточно наголодался в несезонное время. В Одессе, например, я буквально голодал несколько дней, изредка питаюсь знаменитой одесской «брынзой», которой меня снабжал мой товарищ и однокашник по Стародубу, М. Рубизов, вызвавший меня в Одессу. Он тоже частенько голодал, но в качестве «старожила» умел доставать копейки на «брынзу» и «дыни», стоившие в Одессе чрезвычайно дешево. Что же касается других удовольствий, то, кроме окурков, собираемых нами на Пушкинской и Дерибасовской улицах, мы еще имели удовольствие купаться в море и спать на Ланжероне, пока городской нас не заметит.

А если заметил, значит, иди к хозяйчику Галицкому, некогда нашему земляку, разжиревшему на эксплуатации и выслугах во французской компании, а теперь открывшему свою собственную крупную портновскую мастерскую. Рубизов у него работал, и Галицкий обещал работу и мне. Вскоре я, действительно, дождался работы. Здесь был такой обычай. В дни «мертвого сезона» рабочие буквально спускали с себя последнюю одежонку на толкучем и закладывали теплые платья в ломбард за гроши, чтобы продержаться до 15–20 августа, когда Одесская буржуазия начинает себя облачать в последние моды Парижа и Вены. А когда приходит сезон, хозяева заходят в харчевни и погребки и набирают рабочую силу на страдную портновскую пору с тем, чтобы к Рождеству снова выставить своих мастеров на произвол судьбы или заставлять их работать за бесценок. Рабочие, доведенные голодом до отчаяния, конечно, шли.

Но вот летом 1903 г. рабочие начинают задумываться над своей горькой судьбинушкой. Этому, с одной стороны, помогли «независимцы»¹¹, а с другой – Кишиневский погром, заставивший революционные рабочие кружки встрепенуться. Усиленная агитация Бунда начинает также делать свое дело. Приходит осень. Рабочие швейники вовлекаются хозяевами в мастерские по примеру старых лет. Но рабочие попадают в производство лишь с той целью, чтобы столкнуться и устроить весьма внушительную забастовку, имевшую целью «гарантию» рабочих в несезонное время. Это был главный пункт требований, выставленных стачечным комитетом. «Гарантия в несезонное время» предполагалась в размере от 15 до 25 руб. в месяц, смотря по состоянию семьи рабочего. В этой забастовке проявилась удивительная солидарность одесских рабочих-портных, благодаря чему она была выиграна, и крупные фирмы начали заключать договора, отчасти напоминающие наши нынешние колдоговора. После этой забастовки я, упоенный успехом, явившимся результатом солидарности, вернулся в Гомель, где политически рабочие были более сплочены.

10. Организация рабочих и крестьян в Черниговщине

В Гомеле начались сильные аресты в связи с разбрасыванием прокламаций среди новобранцев. Мне пришлось вернуться домой в отцовскую мастерскую. В организации здесь работал все тот же Велька Хромоногий, подготовивший порядочное количество рабочих. Одним из наиболее заметных работников был Самуил Левит. Хорошо подготовленный в теоретическом отношении, он явился вместе с тем очень недурным организатором и до того искусным конспиратором, что в организации его знали очень немногие, а обыватели и не догадывались о его революционной работе.

Левиту удалось связаться с самой отсталой и косной частью русских рабочих нашего города и организовать из них самостоятельную группу «Искры», которая на первых порах обслуживалась бундовцами.

Надо сказать, что бундовцы и искровцы были в большой дружбе и, вопреки официальному выходу Бунда из партии после Второго съезда, делили между собой

¹¹ «Независимой» называла себя организация, основанная жандармом Зубатовым. Она имела целью отвлечение рабочих от политической борьбы путем их сплочения вокруг экономических требований. Вскоре рабочие раскусили хитрую механику зубатовских агентов и под влиянием непосредственных столкновений во время забастовок с полицией, прогнали зубатовцев. Разумеется, крушению зубатовщины содействовала социал-демократическая партия. В Одессе в 1903 г. таким образом прогнали зубатовского агента Шаевича после того, как полиция вмешалась в демонстрацию забастовавших грузчиков. В начале социал-демократам едва удавалось овладеть движением рабочих, в значительной мере околпаченных зубатовцами. Рабочие говорили: «не надо нам политики, долой социал-демократов». Но позднее, когда полиция увидела, что забастовка грозит остановить течение буржуазного порядка в городе, она вмешалась. И тут игра Шаевича обнаружилась. Рабочие, наученные горьким опытом, пошли демонстрацией и кричали: долой «независимых»! да здравствует социал-демократия. (Примеч. авт).

пропагандистские силы и даже технически помогали друг другу при выпуске листов и т. д. Правда, на общих собраниях бундовцы доказывали, что перед еврейскими рабочими, кроме общепролетарских целей, стоят еще задачи национального раскрепощения, которые перед Российской социал-демократической рабочей партией в целом якобы не стоят. Чтобы выдвигать эти вопросы перед массами, а с другой стороны, чтобы бороться с националистическими предрассудками еврейских мелкобуржуазных партий, доказывали бундовцы, нужна особая еврейская рабочая партия – Бунд, которая должна быть автономна (самостоятельна) в решениях по вопросам тактики. Искровцы спорили против подобных претензий Бунда. Они доказывали, что цели раскрепощения наций являются общепролетарским делом, и об этом имеется определенный пункт в программе, где говорится о том, что «каждая нация имеет право на самоопределение». Если для технического удобства и нужна организация еврейских рабочих, которая бы сумела быстрее охватить еврейскую рабочую массу, агитировать на понятном для массы еврейском языке или бороться с национальными предрассудками, то эта организация должна быть подчинена общим постановлениям всей РСДРП, а не отрываться от партии на автономных началах.

Эти споры в основном и привели Бунд к выходу из партии на II съезде, но на местах эти раздоры очень слабо отражались среди масс. Хорошо помню, что Петр Дятлов, кончивший нашу гимназию и учившийся в Киевском университете, точно также и Неронов, Маспан и другие, работавшие среди русских рабочих, охотно обслуживали наши бундовские кружки в качестве руководителей по изучению политэкономии и истории рабочего движения. Кружки вначале собирались в «Беловщине», «Графовщине» и других живописных местах, названных именами их владельцев-помещиков. Происходили эти собрания по всем правилам конспирации, так как маленькая стародубская организация уже имела свои жертвы, сидевшие в местной тюрьме: рабочего Цивина; провалившегося при распространении прокламаций Брука и др. Во главе каждого кружка стоял так называемый «представитель». В свою очередь эти представители возглавлялись цеховым общим «представителем». При этом было, конечно, не обязательно, чтобы «представитель» цеха был рабочий той отрасли производства, где организован кружок или объединено несколько кружков. Так, например, во главе нашего «портновского цеха» был Исаак Кровельщик (Левин).

Мы готовились к встрече 1 мая 1904 г. Специально для этого дня я просмотрел пару брошюр в неизменно черном переплете. Помнится, это были «Батумская бойня» и «Что нужно знать и помнить каждому рабочему». К этому же времени прибыли очередные номера «Искры» и «Последних известий» – издания заграничного Комитета Бунда.

До этого я уже был в перепалках: первый раз при выпуске гектографической листовки ко дню 19 февраля (день освобождения крестьян) и во второй раз к 18 марта, к годовщине французской Коммуны. 19 февраля я не только помогал печатать листовку,

составленную Дятловым, но и распространять ее. Распространение производилось весьма любопытным способом: человек 5 наших активных ребят распределили между собой «шляхи» – тракты, по которым крестьяне приезжают на базар, и рано утром, совместно с торговцами пеньки, желающими из первых рук дешевле закупить незначительные партии сельскохозяйственного сырья, вышли за город с заткнутыми за пояс железными безменами.

В роли новоиспеченного перекупщика сырья я останавливал каждую подводку и, прицениваясь к высохшей шкуре телят или пучку щетины, вынимал из-под полы листовку и передавал мужичку, уговаривая его прочесть ее на досуге. Крестьянин брал листовку и тут же ее прочитывал, приговаривая: «Гарно, хлопец, написано про нашего брата», либо бережно складывал листовку и прятал ее за пазуху. Много листовок было распространено нами в этот день и кое-какое действие они возымели непосредственно: крестьяне, с грехом пополам разобравшие «крамольное» содержание листовки, оживленно толковали на постоянных дворах о пресловутом «освобождении», памятном еще для многих стариков. Говорилось о тяготах, о податных поборах, о выкупных платежах, о земских начальниках...

Не обошлось и без «жертв» с нашей стороны. Арестовали тов. Похвистнева Митрофана, Бобовникова Меера и меня грешного по подозрению в распространении «крамолы». Видели даже, будто мы разговаривали с крестьянами. Однако, после нашей ночевки в участке нас пришлось освободить.

Листовку о 18 марта мы разбросали по всему городу, а на выгоне устроили даже нечто вроде манифестации, где попутно говорили о кровавой бойне, о бесцельных жертвах русских солдат на войне, о поражениях царизма и т. п.

Первого мая я уже выступил на праздничном митинге всей нашей организации. Здесь присутствовали также искровцы. Помню, что вначале говорил интеллигент Серебренников. Он коснулся общей истории возникновения этого праздника, говорил о его международном характере и призывал к солидарности и сплочению.

После него я, крайне возбужденный, попросил слова и заговорил с рабочими об эксплуатации, коей они подвергаются изо дня в день, о невыносимости страшного ярма, двойного угнетения и в качестве пролетариев, и в качестве евреев. Тут же я коснулся конкретной борьбы и ее жертв в Батуме: «Кровавыми рубцами на теле рабочих записаны страшные страницы этой борьбы, – кричал я во весь голос. – Вот смотрите, что делается в далекой Сибири, где наши братья вздумали протестовать против угнетения в Якутске». Я рассказал вкратце о кровопролитии в забаррикадированном доме в далекой Якутске, о суде над ссыльными, и это произвело сильное впечатление на слушающих. Кончил я призывом к борьбе с самодержавием за республику и социализм.

С этого момента я официально зачисляюсь в нашу головку, мне доверяют конспиративную квартиру за речкой, куда я переезжаю вместе с Исааком Кровельщиком.

У нас образуется также «биржа», по примеру Гомельской, на Черниговской улице. Под именем «Ямбо» я начинаю вербовать в нашу организацию массу еврейских рабочих. Но это дело мне кажется мелким. Под влиянием споров с сионистами я чувствую, что нет ничего легче, как завербовать пару-другую еврейских пролетарок и еврейских рабочих в круг любой революционной организации. Это пустяки, – решаю я в спорах с нашими ребятами. Что это нам даст? Ну, правда, организация и сплоченность еврейских рабочих – вещь полезная хотя бы в смысле отстаивания дальнейших экономических завоеваний или выступления на случай контрреволюционных погромов. Но этого мало! А главное – уж больно легко. Плохо, что русская масса остается нетронутой. А еще хуже и важнее то, что окружающее крестьянство еще настолько темно, что в любую минуту исправник может кликнуть клич, и громилы придут в город с вилами и разгромят и искровцев, и бундовцев.

И вот мы с Похвистневым («искровец», один из деятельных агитаторов, уже посидевший в Стародубской тюрьме) отправились по разным деревням – не дальше 12–15 верст от Стародуба – и потихоньку, помаленьку начали делать то, что плохо удавалось 20–30 лет тому назад «каявшимся дворянам», шедшим «в народ». Владея довольно хорошо нашим деревенским наречием (которое я, к сожалению, забыл в Сибири), я легко устанавливал связи с крестьянами, просившими меня читать им разные книжки, разъяснять законы, освобождающие их от поборов и т. п. Кормили нас квасом с огурцами, а кое-где угощали свежим медом, только что вынутым из сот. Говорили мы с крестьянами о самых простых вещах: о притеснении со стороны помещиков, о земском начальнике, о взятках урядников и становых, а кое-где нисколько не стеснялись говорить о царе и его наследниках, великих князьях, кстати имевших недалеко от Стародуба большие имения.

Крестьяне слушали внимательно, задавали вопросы, на которые я не всегда находил, что ответить. Но в таких случаях я прибегал обычно к следующему приему, всегда благотворно действовавшему на моих слушателей.

– Вот ты, Пахом, намедни спрашивал меня про тяжбу крестьян с помещиком Янжулом и о том, как отстоять отнятую им землю. А откуда я могу это знать? Ведь я, поди, так же, как и ты, учился на медные пятаки, хлеб горбом зарабатываю, сижу за верстаком и гну спину в три погибели над иголкой. Взятки с меня, значит, гладки. Кое-чему, конечно, научился от людей умных – вот и с вами тут поделился. Чем богат, тем и рад, а уж больше с нашего брата взыскивать нечего. А вот коли охота, я вас познакомлю с людьми умными. Те-то побольше нас с вами знают и расскажут, как надо тягаться с лиходеями-помещиками.

– А знают твои умные люди, Ямбо, где раки зимуют? – спрашивали крестьяне. – Как бы им здесь шеи не наkostenяляли?

Я их успокаивал и говорил, что тут уж, конечно, нужно доверяться крестьянам, которые должны хорошенько сплотиться между собой и не выдавать наших ребят.

В конце концов в той или иной деревушке организовывались небольшие революционные ячейки, на которые всегда можно было рассчитывать в случае необходимости или даже прибегать сюда в «минуту жизни трудную». Нужно признать, что последнее мы часто практиковали, например, во время карательных экспедиций после 1905 г. Многие из нас прятались тогда в деревнях Черниговской губернии, где широко развивались так называемые «аграрные» беспорядки. Но это уже относится к революционной эпохе 1905–1907 гг.

Пока же нам с большим трудом и риском приходилось готовить почву для этих беспорядков. Точнее говоря, почва была достаточно сильно подготовлена в Черниговщине и без нас. Об этом усиленно заботились крупнейшие помещики-агарины, вроде князя Урусова, Самоквасова, Янжула, графа Баратова и т. д. Наша задача заключалась в том, чтобы помочь угнетенному и темному крестьянину, обобранному и притесненному помещиками, хоть немного разобраться в окружающей обстановке. И мы, частью бундовцы, частью искровцы, делали это с большим успехом, и впоследствии, в годы вспыхнувшей борьбы с помещиками, Черниговская губерния выдвинула немало героев крестьян, сражавшихся в пролетарских рядах... Так, например, две волости близ Новгород-Северска были распропагандированы братьями Малеча, Кричевским и пишущим эти строки. Крестьяне организованным путем выпалили помещичьи земли Голицына и других и устроили форменную сельскохозяйственную забастовку. Забастовкой руководил Нестер Малеча, сын Новгород-Северского священника. Когда его арестовали, крестьяне-батраки явились его освобождать к становому приставу, и произошло столкновение, предотвращенное тем же Малеча, который отдался в руки властям. Он впоследствии сидел со мной в Стародубской тюрьме и при попытке бежать был застрелен старшим надзирателем Зайцевым, устроившим засаду Шевченке, мне и Малече.

11. «Весна» и нарастание октября 1905 г.

Как известно, после убийства Плеве и последовавшего ряда неудач на войне настала эпоха так называемой «весны», когда во главе кабинета министров стал Святополк-Мирский.

Революционное движение растет вширь и вглубь и пробуждает всю провинцию. Встряска кровавого «воскресения» 9 января приводит рабочих к сознанию того, что дальше ждать нечего. Царь расстрелял все надежды и чаяния рабочего класса добиться через него хоть какого-нибудь улучшения своего положения.

«Биржи» на Северо-Западе удваивают и утраивают количество посетителей. В помощь Бунду образуется «маленький Бунд», «Клейнбунд», вовлекающий в революционную работу школьников «черты». Мальчики, зажженные огнем революции, помогают взрослым. Незаметные и шустрые, они разносят революционную заразу по

базарам, по деревням, по трактирам, кое-где сами «бунтуют», и полиция несколько не стесняется расстреливать мальчуганов, совсем так, как нынче империалисты практикуют в Шанхае и во всем Китае. Жестокие расправы поднимают новые пласты народной толщи, с которой правительство уже явно не в состоянии справиться. Попутно начинают сбрасывать с себя ярмо рабочие, эксплуатируемые мелкими хозяйчиками и крупными буржуями. Забастовки учащаются и носят уже ярко выраженный политический характер, хотя обычно начинаются с экономики. Требуют сначала 9-часового рабочего дня, а затем, смотришь, полиция вмешалась – и пошла кутерьма. К забастовке примыкают все новые и новые слои рабочих. Требуют уже освобождения «главарей», устраивают демонстрации с криком: «долой самодержавие», «долой войну» и т. д. В это время я и тов. Гендлин командированы Гомельским комитетом в Почеп, Новгород-Северск, где публика «бунтует» в беспорядке. Организации еще здесь нет, нужно связаться с парой-другой интеллигентов, установить связи с рабочими, организовать комитеты.

Едем сперва в Почеп. Здесь были одиночные работники – сестры Левины, Брауде и др. Но организации, как таковой, нет. Я поступаю в качестве мастерского в мастерскую, Гендлин немедленно связывается с местной интеллигенцией. Организуем комитет. Масса еще здесь одержима национальными предрассудками. Мы устраиваем рефераты, выступает приехавший к нам бундовец, «светило» Владимир, который затем быстро исчезает. Мы начинаем организовывать «биржу», выписываем нелегальную литературу и, ввиду возможности погрома, едем за оружием, чтобы вооружить «боевой отряд».

Тут уместно вспомнить следующий курьез. Я и Гендлин, уже достаточно известные в этом районе, со дня на день ждали ареста. Возиться в таком положении с оружием было небезопасно. Получив два ящика с револьверами и бомбами, мы добрались до ст. Унеча, а здесь, встретившись с железнодорожником Тимашенко, узнали от него, что за нами следят и что в вагон, где мы находимся, засел жандарм. Что делать? Оставить ящики на произвол судьбы, а самим исчезнуть?.. Нет, это невозможно! Нужно ящики спасти. Тут же на станции заметили мы молодую даму, разодетую по последней моде, сестру нашего друга Хазанова, едущую к себе в Почеп вторым классом. Сговорившись с ней, мы попросили ее довести наш багаж до Почепы и тут же наняли носильщиков, которые пошли с ней в вагон и перенесли наши чемоданы во второй класс. Жандарм, сидя в соседнем купе вагона 3 класса, так и не понял, чей багаж тащат, так как мы с Гендлиным, как ни в чем не бывало, остались сидеть там, где нас должен был застать жандарм.

Когда поезд тронулся, жандарм, следивший за нами, соблазнился глазками какой-то ехавшей в вагоне девицы и совершенно забыл про «крамолу». Так он и не доехал до Почепы, исчезнув из вагона вместе с девицей, а мы благополучно довели драгоценный багаж.

Однако, с течением времени, после устройства многих больших уличных митингов в Почепе, дольше оставаться стало немыслимо. «Ямбо» стал притчей во языцех, и мне

приходилось скрываться, где днем, где ночью. Пора было и «честь знать», особенно после ссоры с сионистами, у которых мы военной хитростью, по примеру Гомеля, отняли оружие, принадлежавшее «самообороне». Нужно было нам обоим наострить пятки.

Вначале уехал я, Гендлин остался. Прибыв в Гомель и поработав здесь в боевом отряде как раз во время борьбы с полицеймейстером Хлебниковым за «биржу», я по предложению «Бориса» (ныне члена РКП Рафеса) уехал в Новгород-Северск. Остановился я здесь в гостинице и, заплатив за первую ночевку 50 копеек, отправился искать по городу своего знакомого, тов. Мирона Бобовникова. В номере гостиницы остался ящик с нелегальной литературой и мои скудные пожитки – пара белья и пальто. Был сентябрь. Проплутавшись по городу в бесплодных поисках, я вспомнил, что в местной тюрьме сидит Равич Григорий, да еще тов. «Михаил», и решил пройти к тюрьме. В Новгород-Северске с заключенными можно было переговариваться. Для этого необходимо было забраться на дерево, находящееся на площадке близ тюрьмы. Равич, Малеча и другие находились на третьем этаже во второй камере.

Я добрался до площадки и, недолго думая, взобрался на первую ветку дерева, вынул платок и дал знать о своем присутствии. Не прошло и минуты, как сюда же прибыл и Мирон Бобовников, тщетно мною отыскиваемый в течение дня. Не успели мы обменяться первыми приветствиями сначала между собой, а потом с заключенными, как нас заметил тюремный надзиратель и дал тревожный свисток. Мирону удалось немедленно удрать. Я все же успел прокричать ему по-еврейски – где остановился, и указал на необходимость спасти багаж. Когда я слез с дерева, пара полицейских и надзиратель подхватили меня и повели в участок. Отказавшись отвечать на вопросы, где я остановился, я указал лишь только, что приехал в город искать портновскую работу, а у тюрьмы говорил с Равичем, как со своим родственником и земляком. Меня отвели в полицейский участок, посадили в клоповник, куда обычно сажали пьянчужек и мелких воришек. Очутившись там в первую же ночь своего пребывания, я смущенно подумал о том, что так мальчишески революционеры не поступают.

Какой черт меня толкнул на рискованное предприятие, не спросясь броду, сунуться в воду! Правда, были вину смягчающие обстоятельства: не нашел Бобовникова, бродил без толку день, с другой стороны, уж очень хотелось хоть одним глазком взглянуть на старого приятеля Равича, с которым мы начинали первые шаги в подполье. Но на мне теперь лежала другая ответственность. Ведь я приехал сюда не в бирюльки играть, а организацию строить. Мне даже выдали целых 8 рублей из партийной кассы. Как же мог я позволить себе такую штуку? «Хорош профессионал; нечего сказать», – подумал я о себе. А что теперь станет с тюком литературы и листовок? Вспомнилось, что ключ от номера у меня и что я даже еще не прописан.

Однако, тут же пришли и утешительные мысли. Вспомнились действия в Гомеле, Почепе, Стародубе, когда на глазах у полиции проделывались самые дерзкие вещи, и мы

умели исчезать из-под самого носа полиции. В Почепе городские даже присутствовали на митингах, где я выступал, в ожидании, что тут-то они поймут «Ямбо», но черта с три! Кончится собрание, я смешиваюсь с публикой и тут же шмыгну либо через забор, либо попаду в закоулок. Только раз в Стародубе полицейский Попрыга установил слежку за мной, очевидно, с надеждой натолкнуться на конспиративную квартиру, которую я снимал в Заречье. Он встретил меня и Исаака Кровельщика на мостовой и хотел нас остановить. Но не тут-то было. Намаяв ищейке бока, мы пустились бежать. Однако, нас поймали, и мы засели в участке. Пристав Хоржевский (позднее убитый Вереженкой) начал нас допрашивать, но толку не добился. На все вопросы – где я живу, он получал неизменный ответ: в семье отца, дом Кричевского на Бульварной. Пробовал он там произвести обыск, но кроме библии, псалтыря и древнееврейских книг бабушки, ничего там не нашел.

Жандарм Протопопов, присутствовавший при обыске, обратил внимание на книжку с каким-то сионистическим заголовком по-русски. Это был, кажется, номер журнала «Восход». Изъяв эту единственную «крамолу», он тут же спросил меня:

– Вы сионист?

Я ответил: вы, кажется, имеете сейчас дело не с моими убеждениями, а с моими вещами, так ищите дальше. Жандарм побагровел, но толку не добился. Продержали с недельку в участке и выпустили.

Сейчас в подвальных сумерках Новгород-Северского клоповника в памяти промелькнули эти отрывки из жизни, и вставала беспокойная мысль, как же держаться на допросе. Хорошо, если Бобовников спасет ящик с литературой, но номер заперт, моя неявка и «прописка» могут вызвать скандал...

Подвальное окно с решеткой выходило на уличный тротуар. Я на всякий случай решил забраться на подоконник, благо никого, кроме меня, в кутузке не было. Взобравшись на подоконник, я увидел, что мимо окна проходит взад и вперед какая-то дама. Заметив меня, она передала мне записочку от Мирона, в которой последний сообщал, чтобы я не беспокоился, все в порядке, ящик спасен, ключ подобран. На случай, если дело кончится пустяками, мне был сообщен адрес Клары Пулик. Записочку я немедленно уничтожил и тут же выбросил ключ гостиницы. Наутро меня вызвали к исправнику и мне задали всего два вопроса: кто я, и зачем разговаривал с дерева. На первый вопрос ответил: имя – Шумяцкий, вот паспорт, портной 19 лет. Явился сюда искать работы. А говорил с тюрьмой потому, что там мой родственник.

– А ты не «демократ», голоштаный? Всыпать бы тебе, прохвосту, штук сто горячих, чтобы не лазил куда не надо. Ну-ка, обыщи его! В карманах у меня решительно ничего не нашли, за исключением нескольких рублей.

– Ладно, покормишь еще сегодня у нас клопов, а там видно будет.

Повели обратно. Подали бурду и тут же принесли какие-то крендели и колбасу от «родственников». Поел, напился кипятку и залег спать. Вдруг шум и руготня. Смотрю,

пьяных привели. Трехэтажная ругань висит в воздухе, кого-то лупят. Вдруг ко мне обращается квартальный:

- Тебе тут что нужно, чего забыл? Вон отсюда!
 - Он, ваше-бродь, вчера взятый около тюрьмы, – возражает городской.
 - Ну, и гони его отсюда в шею. В канцелярии поговорим.
- Прихожу в канцелярию. Оглядел меня чин с ног до головы.
- Ты кто?
- Я повторяю свои утренние ответы.
- Гм-гм, ну, и что же теперь?
 - Не знаю.
 - Где твой паспорт, бродяга?
 - Да я не бродяга, прошу вас не ругаться. Паспорт утром взят исправником.

Квартальный поднялся и куда-то вышел.

Через несколько минут явился и вернул мне паспорт.

- Смотри, с... с..., больше не попадайся!

Я рад был, наконец, очутиться на улице. Нужно было идти к Пулик... Адрес я хорошо знал наизусть. Нужно было спросить кого-нибудь из прохожих, где эта улица, но из предосторожности я никого не стал останавливать, а пошел просто бродить, останавливаясь у витрин разных магазинов. Затем зашел в лавочку купить папирос и, только убедившись, что за мной не следят, стал расспрашивать, где находится Тарелкина улица.

Получив нужные сведения, я, наконец, добрался до квартиры Клары Пулик. Меня здесь радостно встретили Мирон, Пулик, Пиня столяр и еще некоторые товарищи. После легких упреков меня начали расспрашивать о делах партии и сообщили, что здесь только начинает налаживаться дело, что меня ждут, как манны, а главное – ждут моего транспорта с литературой.

Решили не мешкать и приступить немедленно к делу. На завтра было назначено собрание организованных рабочих, на котором я должен был выступить с сообщением о положении дел в районе Гомельского комитета Бунда. Тут же мне было сообщено, что ради конспирации для меня найдется работа в портновской мастерской Чернова, квартировать же могу пока у Пулик или у Давидова. Пулик был одним из богатейших купцов Новгород-Северска и был у полиции вне всяких подозрений. Дочка его Клара, учившаяся в Киеве и приехавшая к себе на родину, только-только начинала принимать участие в революционной работе, будучи под крылом отца. Нам это было на руку. Мирон Бобовников, рабочий-деревообделочник, вращался в рабочих кругах, но толком сколотить организации не мог, так как мало был искушен в делах партии. Равич приезжал сюда с целью организовать рабочих, но вскоре «сел». То же случилось и с Михаилом, прочитавшим здесь реферат «О бойне в Маньчжурии и задачах социал-демократов».

Я начал на другой день после ареста с того, что в столярной мастерской Пини столяра сообщил о необходимости сплотить рабочую организацию и так или иначе дать о себе знать. «Уж революция не за горами, – указывал я, – везде забастовки, демонстрации, прямые столкновения с полицией, а тут какая-то спячка, и ничего нет. Кроме того, вооружиться необходимо. Говорят, что тут есть искровская организация, но у ней нет связей».

Слушатели мои, такие же юнцы, как и я, чесали затылки и отвечали, что тут, мол, пока ничего нет. Тогда я решил начать с самого начала. Образовал комитет, распределили между собой работы по пропаганде (Пулик, Еселева): я по делам забастовочным, конфликтам с хозяевами и всяким организационным вопросам; Давидов – хранение, распространение листовок, сооружение гектографа, перепечатывание отдельных вещей из «Последних известий» и старых номеров «Искры»; Пиня столяр, Бобовников – вербовка новых членов, агитация и пр.

Так начали мы действовать. Я работал в мастерской поштучно, давая одну вещь в неделю. Бросал я работу раньше всех и уходил. Об этом знал хозяин, но, чувствуя ко мне, так сказать, некоторое уважение, не препятствовал. Через неделю заговорили в городе о нашей организации. В первую очередь, конечно, зашевелилась «биржа», а затем рабочие попытались устроить демонстрацию. Она возникла стихийно после того, как на одном из собраний, устроенных националистами, наши бундовские ораторы раскритиковали вновь народившуюся полукadetскую партию «достиженцев еврейского равноправия». Рабочие вышли из собрания и с песнями прошли по главным улицам города. Полиция некоторых арестовала.

12. Забастовка 1905 г. «Конституция» и погромы

Было уже начало октября 1905 г. Носились всяческие слухи. В Новгород-Северск прибыли из Киева Мирон Фишман (искровец, сейчас Иркутский меньшевик) и «Александр». Собрались на большой поляне где-то за монастырем. Выступил вначале «Александр», похожий на Христа. Он говорил о делах «Искры», о том, что там готовятся к борьбе. Затем выступил Михаил Кричевский, тоже искровец (ныне ответработник Госиздата), выступил и я. Спорили о сферах влияния наших организаций, о том, что нужно перестать делить пролетариат, а всем объединиться пред грядущей бурей.

Темная украинская ночь начала октября была бесподобной. Мы разложили костер, пели революционные песни без всякой боязни быть застигнутыми врасплох. Мы знали, что по пути следования из города к нашей поляне, расположенной на живописном берегу Десны, стоят наши верные товарищи – часовые. Здесь собрались и бундовцы, и искровцы, ибо едва ли пяток присутствовавших понимали разногласия, разделяющие эти две социал-демократические организации. Мы и не пытались раздуть спора. Мы сами еще плохо понимали его и объясняли себе этот водораздел «технической

целесообразностью». Этот вечер у костра навсегда останется ярким пятном в моей памяти. Казалось, что через некоторое время из «Искры» действительно разгорится пламя такое же сильное, как вот это зарево костра... Поздно разошлись по домам.

На следующий день, вечером, состоялся «семейный вечер», а на самом деле это было собрание учащейся молодежи, то есть гимназистов и гимназисток старших классов местной гимназии. Пригласили туда и меня. В своей рабочей блузе, с угловатыми манерами, я, видимо, казался здесь выходцем из другого мира. Это я заметил моментально, так как взрослые барышни в гимназических формах начали шушукаться о «Ямбо».

Выступил с рефератом «Об исторической роли интеллигенции» некий Лосик – учитель местной гимназии – народник, который затем был выбран членом Государственной думы от Черниговской губ.

Явно подчеркивая, что вся история XIX века есть, собственно говоря, история героев,двигающих человечество вперед, он призывал к таким же героическим подвигам и Новгород-Северскую молодежь, долженствующую вступить «на стезю» самостоятельной духовной жизни после окончания гимназии, традиции которой воспитали таких людей, как Кибальчич (соратник Желябова по 1 марта).

– А масса? – вырвалось у меня.

– Масса! Это – глина в руках строителя. Она темна и вызывает к нам; она бездеятельна.

Подобной ереси я больше слушать не мог и попросил слова. Разбивая теорию педагога, я сказал, что от учителя русской истории казенной гимназии ничего другого, чем слышанное в этот вечер, и ожидать нельзя было. Затем подробно изложил свою точку зрения.

Я ясно заметил, что все симпатии аудитории были на моей стороне. Это придало мне еще больше смелости. По окончании собрания учащиеся и местная интеллигенция окружили меня и закидали вопросам и расспросами – не живу ли я здесь под чужой фамилией? Подлинно ли я партийный «Ямбо», а не кто-либо другой? Я был доволен успехом в этот вечер.

Через день или два нам в Новгород-Северске стало известно о железнодорожной забастовке, объявленной в октябре 1905 года. Помнится, что популярным требованием железнодорожников было: «мы пустим поезда лишь в тот момент, когда они повезут депутатов в Учредительное собрание».

Столичные газеты мы перестали получать, и не было даже киевских. Хотя подъездной путь Новгород–Северск–Новозыбков работал в первые дни забастовки, но вследствие прекращения работ на почте и телеграфе мы перестали получать какие бы то ни было сведения. Не было также указаний от вышестоящих партийных организаций.

Что делать? Действовать приходилось за свой собственный риск и страх. Собрались в квартире Давидова. Тут были руководители бундовской и искровской организаций. Мы образовали объединенный комитет и решили предпринять ряд действий.

Прежде всего из солидарности решили присоединиться к железнодорожной забастовке, для чего предварительно выпустили гектографированный листок «К рабочим».

Забастовали мастерские и начали кучками ежедневно собираться на «бирже», где несколько агитаторов – все те же лица: я, Кричевский и др. – зажигали рабочих мятежными речами о событиях в России. Одновременно я отправился в депо ст. Новгород-Северск и совместно с тов. Гавриилом начал увещевать рабочих железнодорожников примкнуть к общей железнодорожной забастовке. Через два дня по подъездному пути уже бастовали все. Портило дело, двигая поезда в обе стороны, только Семеновское депо, а также ст. Костобобр. На специальном паровозе я выехал с некоторыми рабочими в Семеновку, где у нас были некоторые связи.

Руководителем организации среди сапожников и строителей был там печник тов. Суховерхов, погибший затем в Сибири во время чехословацкого мятежа. Крайне активный и сознательный социал-демократ, осужденный на каторгу по Новозыбковскому делу, он принимал активное участие в железнодорожной забастовке 1905 г. Ему удалось сплотить семеновских железнодорожников вокруг общего дела. То же произошло и в Костобобрах.

Вернувшись обратно на паровозе в Новгород-Северск, я заметил, что мещанский муравейник всполошился не на шутку. Толки и разговоры о начавшемся «светопреставлении» шли на всех углах, в магазинах, в мастерских. Случайно совпала с этим забастовка в мужской гимназии, подготовленная также нашими ребятами. Она носила чисто академический характер вначале: требовали вежливого обращения с учениками, уничтожения процентной нормы для евреев, отмены экзаменов и т. д. Разумеется, мы не преминули превратить эту забастовку в явно политическую.

После этого полиция начала меня преследовать по пятам. Я стал ходить с браунингом в кармане и непременно в компании нескольких верных товарищей, тоже вооруженных. На «биржу» перестал являться и ходил глухими переулками через проходные дворы. Большую часть времени в эти дни я проводил среди железнодорожников и телеграфистов.

Наконец, грянуло 17 октября. По телеграфу кому-то из Питера передали, что царизм сдался и издал манифест о конституции... Хотя в городе еще официально ничего не было известно, тем не менее, на другой день город стал похож на кипящий котел. Как маленькая, но быстрая и бурная речушка после долгих оков зимнего льда вдруг встрепенется в одно прекрасное весеннее утро, чтобы поднять толстые и корявые льдины и унести их с водной поверхности куда-то далеко, точно так же проснулся этот маленький городок, притоптанный железными сапогами векового абсолютизма и царской

жандармерии. Мещане, ремесленники, интеллигенты и мелкие чиновники ходили с радостными улыбками на лицах и ровно со светлым праздником поздравляли друг друга, сообщая новость, разлетевшуюся быстрее ветра. Кто-то слышал о телеграмме, сам ее читал, знает подробности: «Витте оттеснил Трепова, арестовали Победоносцева, евреям дано равноправие» и пр., и пр. в том же роде. Целовались точно после пасхальной обедни и поздравляли друг друга. На балконах появились красные ковры и подушки.

Только организованные рабочие решили, что восторгаться пока нечему, так как полиция на месте, в тюрьме сидят наши товарищи, а толком еще никто ничего не знает. Быть может, господам земцам, устраивающим вот уже год всякие банкеты с самодержавием, удалось, наконец, повлиять на царя и убедить его в осуществлении части «бессмысленных мечтаний». Они же люди умные, а забастовка железнодорожников и телеграфистов, к которой во многих городах присоединились рабочие, вещи опасные. Тьма и холод в столицах, результат этой забастовочной волны – меры чувствительные. А забастовка булочников и в результате голод, это – не тетка. Нужно было что-то предпринять, и вот явилось: «Мы, самодержец всея Руси, царь польский, князь финляндский и прочая, и прочая... сочли за благо объявить всем нашим верноподданным»...

Приперли, значит, к стенке. Здорово! Но погодите, не отдышитесь ли зверь? Что-то из Одессы и Киева идут скверные слухи; кто-то получил сведения о творящихся там погромах... Значит, черная сотня с благословения царя, попов и жандармов творит свое темное дело... Нужно быть осторожным и не увлекаться. Необходимо уяснить населению и в первую голову организациям и рабочим, в чем дело. Нужно требовать освобождения узников.

Наскоро сооружаем красные знамена: древки из палок-дручков, найденных во дворе; куплен красный ситец; мелом выведены лозунги: «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!», «Слава павшим в борьбе за социализм!». Боевой отряд человек в 40–50, вооруженный смит-вессонами, частью браунингами, выходит на главную площадь города. Здесь полно публики, море голов: гимназисты и гимназистки, о чем-то кричащие, и наши ребята-рабочие. Завидев группы со знаменами, публика окружает нас тесным кольцом, но наши дружинники стерегут головку. Чувствую, меня кто-то поднимает на плечи, и я выше массы аршина на два. Водворяется тишина. Кто-то орет: Ямбо, начинай!

Я начинаю и чувствую, что «дух» захватывает и что-то подступает к горлу от сильного подъема. Потом уже на суде наемные свидетели черной сотни утверждали, что в своей первой речи я оскорблял и поносил «их величества». Помню, что манифест, который всем к этому времени стал известен дословно, я охарактеризовал, как обглоданную кость, брошенную пьяным деспотом, пирующим в роскошном дворце. «Волк на псарне, припертый к стенке, объявляет в манифесте, что давно, как отец, "печется" о судьбах

дорогих верноподданных. Никаким манифестам серых волков верить не будем. Мы скажем царю: "Ты сер, а я, приятель, сед, а потому обычай наш: с волками иначе не делать мировой, как снявши шкуру с них долой"».

Громовое «ура» многочисленной толпы достаточно убедительно говорило о настроении городка...

После меня говорили Кричевский и тов. Гавриил. Они призывали к немедленным действиям: к захвату городской думы, земства, полиции и т. д. В области экономической они рекомендовали захватить мастерские (а что с ними делать – это еще отчетливо себе никто не представлял), осуществить 8-часовой рабочий день, конфисковать земли у помещиков и царя.

Ко мне подошел какой-то чиновник и сообщил, что заседает городская дума, и нас, а именно меня и Кричевского, как руководителей здешних рабочих организаций, приглашают на это заседание. Сообщивши об этом манифестантам, мы отправились в городскую управу. Тот же чинуша, видимо, секретарь, нас представил «отцам города». Председательствовал городской голова доктор Жадкевич; кроме того, среди присутствующих сидел во всем своем камергерском облачении князь Голицын, крупный здешний помещик и предводитель дворянства. Председатель обратился к нам с просьбой воздействовать на толпу в смысле ее успокоения, дабы не было эксцессов. В ответ на это я и Кричевский от имени «объединенной социал-демократической организации» потребовали немедленного освобождения из-под стражи всех арестованных по политическим, аграрным и религиозным преступлениям. Затем, во избежание тех же «эксцессов», мы потребовали немедленного устранения исправника, руководителя местной черной сотни, по слухам, собравшего полицейских и переодевшего их в штатское, чтобы эти господа при помощи водки подняли темные подонки босяков и малосознательных рабочих с лозунгами «бей жидов, студентов и интеллигентов».

Ответа на наши требования не было. Некоторые думцы заерзали на стульях. Городской голова доктор Жадкевич ответил нам, что освобождение заключенных зависит не от местных общественных деятелей и даже не от местных судебных или полицейских властей, а от самого Витте, от которого никаких инструкций на сей счет до сих пор не получено. Что же касается черносотенцев, то общественные деятели в этом вопросе бессильны; слухи о полиции неверны и т. д.

Я тогда определенно заявил «отцам города»:

– В таком случае за рабочими организациями остается свобода действий. Мы не хотим никаких эксцессов, но заключенных мы немедленно будем освобождать.

Пошли дальнейшие пререкания насчет водворения порядков. Кричевский, Гавриил и другие стали препираться с отцами города, но восторженные революционные «Варшавянка», «Марсельеза» и общий гул потянули нас из помещения думы на улицу.

Мы вышли к демонстрантам. Откуда-то появились новые знамена, и меня снова подняли, настоятельно требуя речей.

Рассказав товарищам о разговорах, имевших место в думе, о неудаче нашей «дипломатической миссии», я спросил: «Разве гражданин Голицын может решиться на освобождение революционных борцов?» – «Никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и ни герой. Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой». Пойдемте же в нашу «Бастилию» и освободим томящихся там борцов за дело рабочих.

Но тут вышел неожиданно курьез, за которым вскоре последовала и трагедия. Князь Голицын, находившийся где-то здесь вблизи, вслушиваясь в мою речь, обиделся на меня за то, что я назвал его «гражданином».

Сосредоточивая на себе любопытство толпы своими камергерскими доспехами, «его сиятельство» вдруг обратился к окружающим приблизительно с такой речью: «Из хама не сделаешь пана; хаму нужна палка, а не государева милость. Какой я ему, щенку, гражданин? Я столбовой дворянин, князь и камергер, а этот жиденек позволяет себе на всем честном народе непристойности».

Начался удивительный гул и свист, но мне и другим товарищам удалось остановить неизбежное побоище. Я снова поднялся на чьи-то руки и заявил: «Незачем руки марать, ребята. Чем бы сиятельное ничтожество ни тешилось, лишь бы не плакало. Пусть воображает себя отпрыском "голубой крови", камер-лакеем кровавого двора. Мы же знаем, что проходят времена князей, дворян и прочей сволочи, пройдут и дни буржуазии; будет и на нашей улице праздник. Нужно только сплотиться вокруг красного знамени и не верить разбойникам, обогрившим руки в крови рабочих 9 января. Пойдемте же освобождать борцов, двинемся к тюрьме, товарищи!»

Публика с песнями двинулась по направлению к тюрьме. Но вдруг на углу двух улиц мы услышали подозрительные выкрики, за которыми последовали револьверные выстрелы. Какой-то отдаленный гул, идущий с окраины города, ничего хорошего не предвещал. Инстинктивно демонстранты почувствовали, что на отдаленных улицах творится что-то неладное. Масса начала волноваться, и уже где-то вблизи раздался выстрел, а за ним крик: «Бей жидов, студентов, спасай Россию».

Наш вооруженный отряд, где было револьверов 40–50, дал залп вверх, желая этим остановить начавшуюся давку при рассеивании массы. Знаменоносцы, окруженные вооруженными дружинниками, начали свертывать знамена, и толпа начала рассеиваться при криках пьяных хулиганов, нахлеставшихся где-то в полицейском участке.

Наша публика, державшаяся организованно, осталась на площади и, когда последняя окончательно опустела, дала несколько залпов по громилам, сгруппировавшимся в центре города у главных магазинов. Хулиганье рассеялось, но праздничное настроение как рукой сняло.

Возник поединок между организованной небольшой группой рабочих, вооруженных отчасти огнестрельным, а отчасти холодным оружием (стальные бруски и финские ножи), и переодетыми полицейскими и золоторотцами-босьяками. Вся эта братия, вооруженная дробовиками, беспорядочно стреляла. Невооруженное хулиганье рассеялось при первых выстрелах наших боевиков, но, рассеявшись по боковым улицам, оно зажгло здания города во многих местах.

Наш немногочисленный отряд разбился на небольшие группы, которые распределились по участкам города, чтобы бороться с грабежами и босьяками. Кое-где дружинникам удавалось рассеять взбесившихся негодяев, но с бушующей стихией огня, естественно, мы были бессильны бороться, и Новгород-Северск в этот памятный день был сильно разгромлен и на добрую половину сожжен.

Настала кошмарная ночь, освещенная заревом пожара. Я с небольшой группой вооруженных товарищей очутился на каком-то уличном перекрестке, отстреливаясь от гнавшейся за нами группы громил. Ввиду превосходящих сил противника, мы перелезли через забор и очутились в чьем-то саду. Гул, выстрелы и крики заставили нас подняться на крышу освещенного пожаром дома и следить за развернувшейся картиной. Нашим глазам представилось ужасное зрелище. Бежит Клара Пулик. Ее преследуют хулиганы. Она в ужасе. Вот ее настигают, и рука хулигана ударяет ее по голове. Неистовый крик... Гавриил из револьвера стреляет в хулигана, раздается и мой выстрел. Негодяй бросается в сторону. Пулик удается забежать в чей-то двор. Вся улица вдруг белеет от пуха, выпущенного из перин разгромленных еврейских домов.

Так начался Октябрь 1905 года в провинции. Перья и пух всколыхнули мои воспоминания о далекой картине погрома в детстве, когда золоторотцы под влиянием спирта кричали: «Одну субботу дал вам Моисей, другую даст вам Тимофей». Правда, сейчас лозунги несколько изменились; сейчас кричали: «Да здравствует батюшка-царь, бей жидов». В основном же как тогда, так и сейчас, закованная цепями рабства, обезумевшая от царской сивухи темная гольтьба праздновала тризну над разлагающимися трупами «самодержавия, православия и народности». Эта «триада», несмотря на все подпорки поповско-дворянско-полицейской России, волею истории должна была идти на гибель.

Разница между погромом конца XIX века в Стародубе и тем, что происходило 18–19 октября 1905 г. в Новгород-Северске и в ряде других городов «черты», была, разумеется, огромна.

Пусть и теперь, в 1905 г., убийства и погромы, но способные держать оружие рабочие, и не одни еврейские, а братски солидарные с ними русские рабочие, поняли всю хитрую механику «подлой игры» умирающего самодержавия.

По примеру русского студента Блинова в Житомире, погибшего там совместно с боевым отрядом Бунда во время погрома, сейчас, в 1905 г., совместно с еврейскими

пролетариями рука об руку идут и русские рабочие. Пусть еще густа тьма векового невежества, но ясно прорываются зарницы «перед очистительной бурей». Погром мало-помалу затихает. Не помню подробностей, но знаю, что к утру мы, то есть я, Кричевский, Гавриил, Френкель и еще некоторые товарищи очутились в каком-то лесочке за городом. К нам дошли слухи, что усиленно ищут меня. Не может быть и речи о моем возвращении в город: разорвут на куски... То же относится и к Гавриилу. Быстро решаем улетучиться из города. Оставляю в Новгород-Северске все свои монетки и в летней одежке отправляемся с Гавриилом пехтурой из города.

Отходим верст пять какой-то лесной тропинкой. Уже сереет... Мы выходим из кустарника и бредем по шпалам. Оглядываемся назад, еще видно зарево пожара. С понурыми головами шествуем вперед, считаем верстовые столбы. Устали. Заходим в сторожевую будку на 23 версте. Движения поездов нет, но сторож о чем-то смутно слышал от проезжавших из города крестьян еще вчерашней ночью.

Мы рассказываем, что идем в Семеновку пешком, так как нет поездов, а нам надо в Семеновку.

Напились, отдохнули в Костобобрах, добрались до Семеновки, проделав таким образом 56 верст пехтурой.

13. Погром в Семеновке

Усталые и голодные мы прибыли в местечко и остановились здесь у одного либерала, родственника Давидова, Хейфеца. Узнав от нас о Новгород-Северских событиях, гостеприимный хозяин сильно заволновался, опасаясь за судьбу своих родственников и дочери-гимназистки, учившейся в последнем классе Новгород-Северской гимназии. Мы его поспешили успокоить, так как нам было известно, что она в сохранности сидит в уцелевшем доме Давидова.

Пожуривши нас за рискованные действия, хозяин стал беспокоиться и за нашу судьбу. Мы поняли, что дело не в нас, а в его трусости за собственную судьбу. После первой ночевки нужно было оставить его в покое. Но куда идти? Здесь был наш приятель Суховерхой. Мы едва отыскивали его квартиру. Он только что вернулся из Новозыбкова и там на станции узнал, что по всему Югу вплоть до Киева и Одессы, а равно и Северо-Западу широкой волной разлились еврейские погромы.

Сколько было подобрано трупов в Киеве, Одессе, Александровске и т. д., никогда не будет известно. В этой борьбе падали не только и даже не столько организованные революционные массы, сколько темная, пьяная толпа, а порой и невинные крестьяне, сражавшиеся по кличу лихих черносотенцев в города, чтобы здесь, в бездне крови, чем-нибудь нажиться на пепелище погромов.

Так в родовых муках появлялось на свет уродливое дитя «куцей» конституции 17 октября 1905 г. Особенно дорого «манифест 17 октября» обошелся глухой провинции.

В этом после Новгород-Северска мне пришлось убедиться через три дня в Семеновке, а затем в родном Стародубе и, наконец, в Гомеле.

В Семеновке мы устроили общее собрание существовавшей там организации среди сапожников. Ознакомив собрание с событиями, накануне происходившими в Новгород-Северске, я узнал от товарищей, что местные власти – становой пристав и урядники со стражниками – готовят кровавую баню и здесь. Очевидно, мелкая полицейская сошка не хотела отставать от более крупных царских держиморд.

На собрании мы решили дать отпор. В эту ночь я остался на ночлеге в здешней конспиративке. Наскоро заготовили гектограф, набросали краткое воззвание «К населению» с разъяснением царского манифеста и смысла тех событий, которые сейчас же последовали за манифестом. В местечке было одних только сапожников-кустарей 12 000. Воззвание кончалось горячим призывом к рабочему населению «не пачкать свои руки в братоубийственной бойне и погромах». «Царское правительство, – говорилось в воззвании, – трепещет пред мозолистой рукой пробуждающегося рабочего класса, и потому старается кулаки народа, готового разрушить трон и свергнуть помещиков, направить против евреев в России, против армян на Кавказе и против поляков в Польше. У всех же народов России, живущих своим трудом, один враг. Этот враг – царь, помещики и капиталисты. Долой врагов народа, да здравствует братская солидарность всех трудящихся! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Вот приблизительное содержание воззвания, которое мы напечатали в 250 экземплярах. Дальнейшие оттиски были бледны, а потому решили 250 листовок расклеить по всем заборам местечка.

Утром пришли распространители и разбились по улицам. Кучки населения начали собираться вокруг расклеенных прокламаций, и мы с Суховерховым, наблюдая за этим движением, радовались, что труды наши не пропали даром. Но к вечеру где-то на окраине столкнулись две кучки противников и защитников «манифеста», а в результате – ожесточеннейший погром с несколькими убийствами. Только осенний проливной дождь на этот раз остановил кровопролитие.

Грязища до колен, образовавшаяся на следующий день в немощем местечке, была смешана с кровью. Хулиганы в этой свалке потеряли до 10 человек, тогда как среди боевиков было несколько тяжело раненых холодным оружием и найдено было несколько еврейских трупов в разгромленных домах.

Оставаться в этой глухой дыре, охваченной ужасом пережитого, не хотелось. Расставшись с товарищами, я пробрался на вокзал, чтобы поехать в Новгород-Северск, хотелось осведомиться о результатах погрома.

Началось движение поездов, и нужно было подождать добрых три часа до поезда, идущего из Новозыбкова в Новгород-Северск через Семеновку. Воспользовавшись длительной остановкой поезда, идущего из Новгород-Северска, я зашел в вагон, чтобы

отыскать знакомых товарищей – новгород-северцев и узнать о судьбе оставшихся. Навстречу мне Равич и Михаил, то есть те лица, из-за которых я поплатился кутузкой в первый же день моего приезда в Новгород-Северск. Обнявшись с ними, я немедленно начал их расспрашивать, какими судьбами они очутились вне стен тюрьмы и что слышно в городе. Они жестоко раскритиковали наш образ действий, не останавливающийся перед вызовом «еврейских беспорядков».

«Нужно было учесть настроение города, – говорили они, – и не вылезать на открытом митинге с оскорблениями царя. Не надо было звать освобождать тюрьму» и т. д., и т. д. Целый ряд упреков посыпался на мою голову, что было очень обидно, но в общем товарищи нас все-таки похвалили за смелый и широкий размах революционных действий, всколыхнувших весь город: «Будут помнить Ямбо», – говорили они шутливо. Потом сообщили, что после погрома много публики было арестовано, а «Ямбо» ищут «днем с огнем». «И не вздумай туда возвращаться, это просто будет безумие! Найдут и живым не оставят...».

О себе же и других политических заключенных сообщили, что они были освобождены в результате особого высочайшего указа об амнистии, последовавшего по проекту Витте 21 октября 1905 года.

– А как выглядит город? – спросил я.

– Хотя и здорово потрепан, но уже принимает обычный вид, лишь кое-где дымится пепелища домов.

Мне оставалось ехать с Равичем в другую сторону, то есть на Новозыбков, что я и сделал.

14. По полесской дороге

Новозыбков был тогда оживленным городком, где события отражались более выпукло, чем в окружающей провинции. Являясь узловым пунктом Полесской дороги и подъездного пути, он вместе с тем представлял район хлебной торговли и имел несколько промышленных предприятий.

Здесь уже чувствовалось подлинное биение пульса; пролетарского движения. В Новозыбкове был стачечный комитет железнодорожников, влиявший на протяжении пути до Новгород-Северска, а по Полесской дороге – до Клинцов; здесь часто выступал тов. Владимирова или «Лева», как его звали по всей Полесской дороге; здесь была хорошо налаженная организация, связанная с Полесским комитетом РСДРП.

Осведомившись в Новозыбкове о положении дел, мы несколько повеселели. Ясно стало, что революционное дело идет по восходящей линии. Движение поездов исключительно зависит от стачечного комитета, устраивающего митинги в районе вокзала и около депо. Нас заинтересовали некоторые дельцы, коммивояжеры и другие пассажиры первого класса, которые в свою очередь устроили характерный «митинг» протеста. Этот

спекулятивный люд никак не мог примириться с положением, заставшим его недели две тому назад в дороге: вдруг остановились неожиданно поезда и погасли топки паровозов; пассажиры высадились на станциях и начали выжидать у моря погоды.

Публика эта спешила в разные концы России и вдруг – стоп машина. Баста. Дальше не повезли. Железнодорожники заявили: «Раньше повезем представителей народа в Учредительное собрание, а потом всех остальных».

Конечно, весь этот «деловой» люд вначале также праздновал «манифест» и был за реформы, что и говорить, но ведь это же черт знает что – сидеть где-то в медвежьих углах Злынки-Добруша-Песчаного-Унечи и т. п. и не знать, когда же будет конец ожиданию!

Пробовали они бунтовать, сделали попытку даже идти на подкуп, но ничего не помогло. «Сидите и кормитесь за счет дороги и не рыпайтесь», – заявляли им представители стачечного комитета.

– Нужна нам эта кормежка! – возмущались торгаши.

И вот разными путями, частью пехтурой, частью на подводах, эта публика стянулась к Новозыбкову, где можно хоть чего-либо добиться. Началось слабое движение поездов, но увы, в первую очередь пропускают-то не их с сытыми физиономиями, а совсем иную публику. Это их возмущает, и они выражают недовольство, но на них никто внимания не обращал. Было не до них.

Появились газетчики. Беру первый номер «Новой жизни» и «Начала»¹².

Неужели?!. На самом видном месте в заголовках газет: «Российская социал-демократическая рабочая партия», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Да ведь это победа, подлинная наша победа! Моментально расхватываются номера газет. Нет сомнения, пролетариат победил!

Отправляюсь дальше в Стародуб. Но еще на станции Унеча узнаю зловещие новости: в Стародубе погром. Многие остались без крова, многие дома сожжены. Приезжаю в город. Нахожу отца в тревоге – полная неуверенность в завтрашнем дне. Еще дымятся пепелища. Жуткая тишина. По ночам в городе ни одного фонаря. Но как же наши ребята здорово и храбро сражались! – рассказывает мне тов. Подольный. Есть, правда, с нашей стороны двое убитых в бою, есть несколько серьезно раненых, есть множество и легко раненых, но зато и черной сотне здорово досталось. Убитых грабителей и полицейских успели без шума похоронить. А затем к исправнику Максимовскому явились жены убитых «героев» и спрашивали, где их мужья, которых полиция «приглашала по зову его высокоблагородия». Обычная картина... Думали одно, а вышло другое. Кто их знает, где их кости валяются? Только знает ночка темная. Наверное, были выданы единовременные пособия из особых сумм, тем дело и кончилось.

Живу в городе несколько дней. Хотя городок снова в пепле, обломках и крови, но настроение крепнет. События в столицах и промышленных городах развиваются все шире

¹² «Новая жизнь» и «Начало» – первые легальные газеты РСДРП.

и глубже. Никакие потоки крови не могут остановить начавшегося пробуждения. На знаменах демонстрантов самые яркие требования и лозунги. А «Начало», «Новая жизнь» и поток всяких юмористических журналов с карикатурами на министров Витте, Трепова, Победоносцева и самого Николая точно кнутами бичуют. Роковой гнет подорван, разоблачаются махинации шайки министров, пробуждаются к новой жизни!

Не сидится в Стародубе. Еду в Гомель. Здесь узнаю про несчастье в Речице, где погиб один из храбрейших боевиков, Лейба «Страдалец», с отрядом во время схватки с громилами. Жизнь там бьет ключом. «Биржа» точно пчелиный рой гудит от напряженного настроения. Читают газеты, мигом вспыхивают демонстрации, в мастерских осуществляется явочным порядком 8-часовой рабочий день. Гомельские организации фактически объединены. Нет бундовцев, искровцев, – все объединены. Готовятся к новым решительным действиям. Кожевник Шая Бейгер – выросший из массы рабочий-интеллигент – читает реферат о текущем моменте. Он бичует манифест – куцую конституцию, и зовет к сплочению. Приезжает «Борис» (тов. Рафес). Талантливый оратор, он собирает колоссальные митинги. Его слушают всюду: в синагоге, в железнодорожных мастерских, в столовых. Но революционное подполье по инерции продолжает жить своей жизнью. Полиция временно бездействует, отступая на задний план перед поднявшимся шквалом революционной волны, и как будто бояться нечего, а все-таки боевую организацию в подполье следует сохранить полностью.

Собираемся в той же знаменитой «Швейцарии», то есть во рву, где черт ногу сломит, на «Кавказе» и в «Америке».

Приближаются декабрьские события в Москве. Из столиц идут разные слухи, посылаются директивы. В конце ноября вспыхивают вновь забастовки на железных дорогах и телеграфе, но уже частичные. На этот раз сильнодействующее средство менее удачно. Правительство уже несколько опомнилось и при повторении забастовки пробует ее сорвать, призвав на помощь военно-топографические части. Так было и в Гомеле.

Городские рабочие, разумеется, всемерно поддерживают железнодорожников и тоже бастуют, но рост движения приостанавливается.

С затаенным дыханием провинция ждет вестей из Москвы, где исход классовой борьбы являлся решающим для всей России. Следим за развивающимися там событиями. Телеграмма в нашей Гомельской социал-демократической газете, где редактором был покойный тов. Владимир «Лева», извещает о строящихся там баррикадах, о восстании на Пресне, о предпринятых шагах правительства. У нас идут непрерывные собрания. Готовятся к решительной борьбе, строятся планы о захвате городских учреждений и предприятий. Горячие головы призывают к немедленным действиям. Умеренные ждут почина Москвы. День-два и увы, узнаем о разгроме баррикад, о падении Пресни.

Реакция начинает поднимать голову. Но никто не хочет сдаваться. Роковой удар по революции еще не так был ощутителен в провинции. «Биржа» по-прежнему шумит, как

улей. По поручению объединенного комитета объезжаю мелкие пункты Гомельского района, доезжаю до Брянска, собираю рабочих, выступаю, но уже чувствую, что дело идет на убыль. Организуются карательные экспедиции Дубасова, Римана, Пантелеева, Орлова. В районе, где меня знают, нужно ходить днем с оглядкой и не засыпать спокойно на ночлеге.

Возвращаюсь в Гомель. Передаю о положении в районе. Меня посылают организовать рабочих на пенькотрепальных и щеточных предприятиях и, кстати, подготовить публику к встрече годовщины 9 января, к которой усиленно готовятся объединенные организации. Газета наша уже закрыта. Выпускаются прокламации с призывом к политической забастовке протеста в этот день.

Накануне вечером «биржа» полна народу. Часть «биржи» перенесена на главную Румянцевскую улицу. Полиция негодует, но не решается вступить в открытый бой.

9 января бастует большинство рабочих, но магазины кое-где открыты. Тогда наш боевой отряд разбивается на группы и ходит по магазинам снимать с работы служащих и требовать закрытия магазинов. Начинается паника. Полиция, напав на мирную праздничную публику, начинает разгонять демонстрантов. Девушка-сионистка стреляет в околоточного и убивает его наповал. В ответ на это полицией производятся массовые аресты рабочих. В участках идет избиение. Некоторым проломлены черепа. Раненые перевезены в больницу, многие там и умирают. Брожение принимает стихийные формы. Через три дня ночью на Замковой улице убит пристав, руководивший избиением 9 января.

Напряжение достигает крайних пределов. В городе носятся слухи о предстоящем погроме. В эти дни в отряд ингушей, разгонявших демонстрантов, с балкона дома брошена бомба, разорвавшая в клочья несколько казаков.

Предводитель местной черной сотни – немец Швант – рвет и мечет. Революционные организации выпускают экстренные листки о непричастности своей к убийству пристава. Как оказалось впоследствии, пристав был убит сыном гробовщика-студентом, брату которого в день 9 января был проломлен череп в участке. Боевой отряд беспрерывно заседает и готовится к отпору на случай погрома.

15. Второй гомельский погром

И последний, самый ужасный из пережитых мною погромов не заставил себя долго ждать. Разразился он на третьи сутки после убийства пристава, в день похорон последнего. Весь гарнизон, казачьи части и черная сотня под предводительством Шванга, провожая похоронную процессию, вели себя вызывающе и заставили массы насторожиться. Напряженное настроение этих дней побудило, разумеется, все организации стать на ноги, и небольшие отряды, разбившись по десяткам, дежурили в разных пунктах города... Интенсивно работала типография, печатая листки в увеличенном

количестве экземпляров, которые распространялись в самом Гомеле и пригородах. Силы стягивались с обеих сторон, и чувствовалось, что будет кровавая баня. Так оно и случилось.

После «салюта» на могиле павшего полицейского «героя» и соответствующей речи полицеймейстера Хлебникова казаки рассыпались по улицам города. И началась кровавая вакханалия.

Наши «десятки» на этот раз со своими смит-вессонами да бульдогами и немногими браунингами были совершенно бессильны; ибо это был настоящий казачий погром. Мы не могли противостоять озверелой силе кавалерии. Единственное, что мы порешили на сборном пункте, это защитить женщин и стариков. Но воспрепятствовать разгрому магазинов, поджогам и грабёжам – этого, конечно, мы не могли. Еще одно, в чем мы поклялись, это не отдаваться живыми в руки...

Ужасов, пережитых в этот день 12 января 1906 г., мне никогда не забыть. Наш десяток находился на Кузнечной улице. В дом, являвшийся нашим пунктом, собрались старики и молодые девушки, из коих некоторые были невестами бойцов. Было досадно держать револьвер в руках и не сметь действовать. Но таково было распоряжение руководителей обороны. Ждали, пока сами казаки нагрянут, и тогда начиналась перестрелка в том или ином пункте города. Эти пункты превращались в своеобразные крепостные форты, в стенах которых скрывались безоружные.

Казаки занялись главным образом грабёжом магазинов и беспорядочной стрельбой вдоль улиц. Как и в других местах, пьяные шайки громил-черносотенцев точно шакалы нападали на магазины Новаковского, Лунца и других и, разгромив магазины, поджигали помещения. Красная ночь в Гомеле была страшнее многих других, пережитых мною, ночей, тем более что мы не могли действовать. Шванг и его шайка «работали» под прикрытием казачьих банд. Некоторые девушки нашего десятка из боязни изнасилования брали слово от своих женихов, что, в случае нападения казачьих банд, они, невесты, получают смерть-избавительницу от своих женихов. Убито было случайными выстрелами человек 12 на Румянцевской и других улицах. После кошмарной ночи погром продолжался еще утром, а шайки, переодетые в новые костюмы, цилиндры, взятые из магазинов, плелись пресыщенные и пьяные в свои углы. Часто по пути застигала карающая пуля лазутчиков наших отрядов. Наконец, терпение лопнуло, поднялись железнодорожные мастерские и сплошным фронтом прекратили поток и разграбление, перебили некоторых бандитов. Жизнь в городе понемногу началась вновь. Тогда перед глазами обывателей, вылезших из подполья и из-под разных прикрытий, развернулась страшнейшая картина борьбы. Много убитых молодых революционеров. На улицах трупы грабителей, напяливших на себя по несколько костюмов и шуб. На женщинах-проститутках шелк, меха и пр.

Таков был ответ начинавшейся реакции на первую годовщину празднования 9 января.

Когда все улеглось, я и Илья Бобовников (старый бундист) немедленно принялись за дело. Свежеотпечатанные листовки в двух ящиках нами были вывезены на линию в страшные дни паники. Мы отправились снова собирать силы по району. Ввиду начавшихся смиренных экспедиций после Пресни, настроение во многих пунктах было сильно подавлено. Всюду ожидался то Дубасов, то Орлов или Пантелеев. Нужно было скрыться на некоторое время. Но где же? И тут нам сослужила службу деревня. Мы рассеялись по деревням, где побывали карательные экспедиции и «обрабатывали» их.

Аграрные беспорядки особенно дали себя знать в Стародубском уезде: в волостях Холеевской, Гриневской и др. Целые деревни брались под стражу за самовольную конфискацию помещичьего добра, земель и т. д. Начался период Булыгинской, а затем и «Первой Государственной думы». Мы, согласно директивам центра, решили активно ее бойкотировать, т. е. срывать предвыборные собрания, агитировать избирателей за бойкот и пр.

Я поехал в Погар (заштатный город Черниговской губ.), чтобы там провести бойкотистскую кампанию. С места в карьер попадаю на доклад сиониста-«социалиста» Ошерову и вступаю с ним в словесный бой. Вдруг шум, крики... Нагрянула полиция на конспиративку. Гаснет лампа, и в темноте мне удастся исчезнуть.

Переночевав в Погаре и оставив соответствующие директивы, я сажусь на поданную мне подводу и еду дальше. Но увы, на дороге полиция меня задерживает и тащит в кутузку. Пристав Попенако уже знает, с кем имеет дело, и временно выдерживает меня в клоповнике. В участок приходят ребята и говорят, что можно улизнуть, тащат городовой водку. Я против бегства. Зачем бегать без толку? Я предлагаю воздействовать на пристава. Ему заговаривают зубы, а я тем временем толкую с городовым о том, о сем, и в результате избирательные списки, бюллетени и бланки, присланные в полицию для соответствующего распространения избирателям, летят в печь под плитой. Попенако, получив некоторый куш, препровождает меня в Стародуб с надписью на открытом листе: «за бесписьменность». По удостоверению личности меня освободили.

Это было в начале марта, но поработать пришлось недолго, так как вскоре я был арестован и посажен в Стародубскую тюрьму за новгородское дело.